

Свобода

январь 2016

журнал
Никиты Михалкова

ВНИМАНИЕ, МОТОР!

Встречаем Год российского кино
и обсуждаем режиссуру
общемировых процессов

**Лед и пламень
Ивана Папанина**

**2016: Лица,
события, даты**

**Школа злословия
Салтыков-Щедрин —
классик без любви**

Любить — значит критиковать, то есть находить в любимом положительное и отрицательное. Любить — значит радоваться тому, что в любимом положительно, хорошо, и страдать от его недостатков. Это значит поощрять в любимом добрые начала и бороться с несовершенным в нем. Это и значит жить общей жизнью.

Интеллигент не мыслит свою интеллигентность, но дышит ею, как воздухом.

Алексей Лосев (1893–1988)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Внимание, мотор!	32–35	Родное слово
«Если только буду знаменит,
то поеду в Ялту отдыхать»
80 лет назад родился
Николай Рубцов
3–7	Символ веры
Илья Муромец — из былин в жития
Загадки судьбы главного
русского богатыря	36	Точка зрения
8–11	Философ о философе
Основы научного эллинизма
Алексей Лосев — познавший античность	37–39	История одной песни
Не улыбнется даже, ну и пусть
12–15	Год Греции
Эллада против Османов
Как русские помогали грекам
избавиться от турецкого ига	40–43	Служу России
У вас продается славянский шкаф?
О разведчике Святогорове —
образцовом диверсante
и прообразе киногероев
16–20	Русский характер
Лед и пламень Ивана Папанина	44–47	Стоп-кадр
Парень из нашего города
Вспоминаем Николая Крючкова
21–23	Великие реалисты
Мастер дел золотых
Почему Куинджи трижды писал
«Лунную ночь на Днепре»	48	Трапезная
Меню от Собакевича
24–27	2016: лица, события, даты		
28–31	Чужой среди своих
Школа злословия		

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

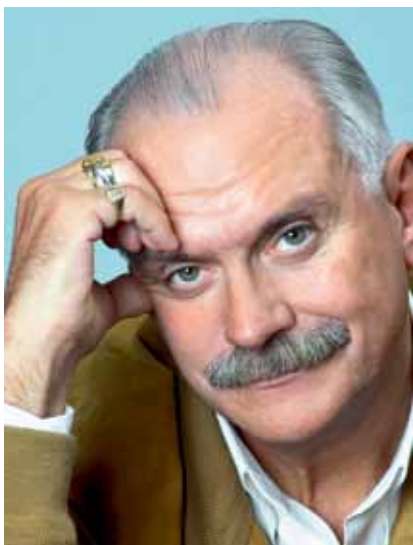
«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 15 декабря 2015 г.

Внимание, мотор!

Недавно в своей авторской программе на телеканале «Россия 24» я затронул тему режиссуры. Не той, которая непосредственно связана со съемочной площадкой (в 2016-м, объявленном Годом российского кино, мы, конечно, поговорим и об этом). Речь шла о крайне недоброй рукотворной атмосфере, которую сильные мира сего создают в глобальной политике, стремясь во что бы то ни стало достичь намеченных целей.

Сегодня никого не убедишь в том, что эксцессы «арабской весны», а также аналогичные события на Украине произошли спонтанно, либо по воле неких объективных социально-экономических законов. В случайность, стихийность всех этих массовых выступлений верят разве только законченные «романтики» (в данном случае невероятно трудно подобрать подходящее слово).

Если искать здесь закономерность, то она как раз и обнаруживается в абсолютно одинаковой, до неприличия унифицированной режиссуре. Команду «Внимание, мотор!» выкрикнули в разное время и в разных местах, судя по всему, одни и те же люди.

Знаю, что многих украинцев обижает отождествление их «революции достоинства» с той вакханалией, которая все последние годы происходила и до сих пор продолжается на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Но на правду обижаться не стоит. Она, правда, должна служить уроком, пусть порой чересчур горьким.

А какой урок извлечен нами? Чрезвычайно важный. Мы окончательно убедились: играть и дальше прежнюю, некогда назначенную глобальным режиссером роль для нашего государства не просто унижительно, но и смертельно опасно. Именно это осознание стало причиной и экстренного «возвращения в родную гавань» Крыма, и решения об участии в борьбе с террористическим интернационалом на Ближнем Востоке, и размещения в этом регионе комплексов С-400, и решительной заявки на то, что впредь Россия будет осуществлять в мире собственный сценарий.

В этом есть определенный риск, но он оправдан. Ибо альтернатива подобному выбору — капитуляция, деградация и распад со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Будем надеяться, что наша национальная режиссура в ближайшее время покажет высочайший профессионализм во всем — в дипломатии, военной стратегии и тактике, искусстве, экономической и общественной жизни. Кстати говоря, помимо Года кино, мы встречаем Год Греции в России. Почему бы не попытаться наладить с греками такие взаимоотношения, которые в будущем позволят нам стать очень близкими союзниками — даже невзирая на членство в разных военно-политических блоках и структурах. Ведь общие тысячелетние традиции, единая православная вера (когда-то называвшаяся у нас не иначе, как греческой) гораздо выше, ценнее всех прочих альянсов.

Вот с таким, умеренно оптимистическим настроением, дорогие друзья, я и предлагаю всем нам встретить новый, 2016 год.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

Илья Муромец — из былин в жития

Кто из нас не погружался в детстве в дивный мир народных былин, не восхищался образами славных богатырей? Отметим, кстати, важное отличие между русским и западными эпосами. В скандинавских сагах викинги часто сражаются друг с другом, отправляются порой в дальние страны, и при этом обязательно перечисляется, сколь богатую добычу они захватывают. Возьмем германскую «Песнь о нибелунгах»: рыцари бьются между собой, но при этом слывут благородными героями. Превозносится доблесть ради доблести. На Руси многие воины тоже ездили на чужбину, совершали подвиги на службе у византийских императоров, привозили немало золота. Увы, случались и междоусобицы. Но народное творчество обходит эти заслуги стороной. Воспевает только тех богатырей, которые защищали родную страну, соплеменников, веру православную. Такими предстают перед нами Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович.

Символ веры

Кадр из фильма «Илья Муромец». 1956. В главной роли — Б. Андреев

Валерий Шамбаров

В МЕСТЕ их свела память людей, изустные предания. В реальности они никогда не встречались. Добрыня, дядя Владимира Крестителя, жил в X веке, Алеша из Ростова — в XIII, упоминается среди витязей, погибших на Калке. Самым популярным героем стал Илья. Даже его служение Отечеству начинается совершенно необычно. Крестьянский сын, инвалид, будучи не в состоянии ходить, «сиднем сидел» 33 года. В его избенку вдруг являются три старца, «калики перехожие», и просят принести воды. На объяснения немощного, что он и рад бы, да не может, повторяют просьбу: все-таки принеси. И тот встает. Идет. Приносит.

Эту воду предлагают выпить ему самому, и он обретает неимоверную силу. А потом старцы раскрывают предназначение — ради чего Илья исцелен: нужно ехать в стольный град Киев, на службу к князю Вла-

димиру, оборонять Святую Русь от лютых ворогов. Чудесным образом молодец получает коня, доспехи, оружие. К князю же является с весьма внушительной «визитной карточкой», привозит Соловья-разбойника, которого одолел и пленил по дороге. В общем, киевскому правителю не приходится жалеть, что он принимает Муромца в свою дружину. За одной победой следуют другие. От руки богатыря гибнут Идолище поганое, Калин-царь. Прочь бегут побиваемые полчища.

Только ли чрезвычайная сила обеспечила ему исключительную любовь в народе? Скорее, наоборот. Люди настолько полюбили Илью, что связали с его именем в преданиях самые выдающиеся подвиги. Причину такой приязни нетрудно увидеть в самой натуре героя. Скромный крестьянин из безвестной деревни, плоть от плоти народа. Сугубо мирный, да еще

и обездвиженный неизлечимой болезнью — казалось бы, смиряйся, молись и терпи. И первым-то его делом становится подвиг милосердия: инвалид рвется помочь старцам, измученным жарой и трудной дорогой.

На ратное служение идет не ради честолюбия и славы. В дореволюционных изданиях были уточнялось: старцы были совсем не простыми. Под их обличьем к Илье пришли Сам Христов и двое апостолов. Богатыря призвали Свыше: Родина в опасности, иди и защити ее. Разве не так уходили на брань русские во все времена? Мирные люди, над которыми посмеивались, попрекая «сидением на печи», в тяжеле годы брали оружие, вставали насмерть на Куликовом поле, у Бородино, на Курской дуге...

Да и характер у Ильи исконно русский. Прирожденный воин, он всегда старается избежать из-

СИМВОЛ ВЕРЫ

лишнего кровопролития. Перед ним предстают зачастую злейшие недруги, но витязь до последней возможности предлагает им разойтись по-хорошему. Может при случае и побуянить, даже против князя взбунтоваться, если считает, что тот совершил несправедливость, или круто загулять с «голью кабацкой». Но при этом всегда честен, прост, бескорыстен. Все его победы и достижения — не ради личных выгод.

О завершении земной жизни богатыря нам рассказывают уже не былины, а святые мощи в Киево-Печерском монастыре. Предание гласит, что он принял постриг после тяжелого ранения. Хотя и здесь ему довелось применить боевое мастерство. Однажды в обитель ворвались враги. Илья в это время обувался и тут же разогнал банду оказавшимся в руках сапогом. Заслужил за это прозвище Чеботок.

В 1988 году одна из госкомиссий провела с использованием новейшей японской аппаратуры исследования мощей. Результаты потрясли: обнаружилось искривление позвоночника и наросты, вызывавшие сдвиг позвонков и ущемление нерва. Таким образом подтвердилось: в молодости у него действительно были парализованы ноги. Выявились и следы многочисленных ранений, характерные для воинского служения. Самая серьезная рана — на груди, в области сердца. Видимо, именно она заставила героя оставить бранное поприще и принять постриг.

Возраст преподобного богатыря был примерно установлен — 40–55 лет, время кончины — около 1188 года. Эту дату можно считать условной. Она основывается на двух источниках. Первый — книга «Теретургима» монаха Афанасия, изданная в 1636-м. Там указывалось, что св. Илья Муромец жил 450 лет назад. Второй — радиоуглеродный анализ. Однако последний предполагает сильные погрешности, и при оценке полученных дан-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Ковчег Илии Муромца с частицей его мощей в Спасо-Преображенском монастыре в Муроме

ФОТО: РИА НОВОСТИ

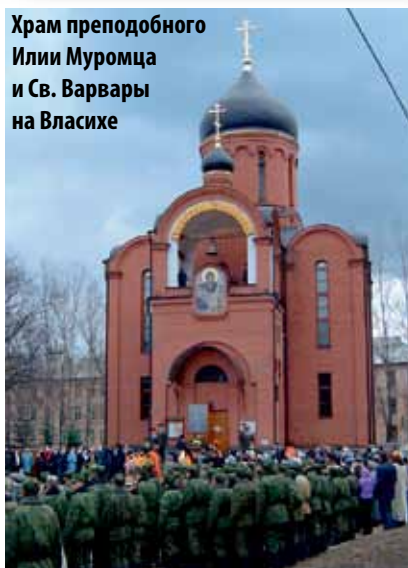
СИМВОЛ ВЕРЫ

ных нередко подчеркивается: они весьма приблизительны. Ученые, работавшие в 1988-м, установили, что возраст мощей — около 800 лет, вот и получилось — 1188.

Вполне правдоподобной можно признать версию о том, что св. Илья жил несколько раньше, в конце XI — начале XII века, при Владимире Мономахе. Исследователи уже давно заметили, что народная память совместила образы двух великих властителей, Владимиров, — Крестителя и Мономаха. А многие детали былин соответствуют реалиям эпохи второго из них. Взять хотя бы сюжет с Соловьем-разбойником. В означенное время прямой путь от Муром к Киеву был слишком опасен, в дремучих лесах как последний очаг воинствующего язычества оставалось племя вятичей. Свист предводителя значил смерть, которая наступает из чащи, из засад. Как раз Мономах расчистил дорогу, покори вятичей, начал их крещение.

Этого государя хорошо знали и в Европе. Он водил войска на Запад, бил поляков и чехов. В немецкой эпической поэме «Ортнит» начала XIII века фигурирует и Илья Русский. Авторы отзываются о нем очень уважительно: могучий, благородный витязь, помогающий главному герою. При Мономахе на Русь хлынули орды половцев, борьба с ними — основная тема былин. Великий князь не только громил Тугоркана (Тугарина Змеевича) и прочих хищников, вторгавшихся в нашу страну. Он предпринял ответные походы на Дон, до Азовского моря. Раскидал кочевников. Одни уходили подальше от русских границ, другие просили о мире и союзе. Люди надолго избавились от кошмара постоянных набегов.

Народ чтит память Мономаха еще по одной причине. Тот был последним государем, кому удавалось сохранять единство Древней Руси. После него страна распалась, перемалась в междоусобицах.

Храм преподобного Или Муромца и Св. Варвары на Власихе

Хотя нельзя исключать и того, что Илья Муромец жил еще позднее. Мог, например, служить верой и правдой сыну Мономаха Юрию Долгорукому. Или внуку, св. Андрею Боголюбскому. Или братьям св. Андрея — Михаилу и Всеволоду (позже заслужившему прозвище Большое Гнездо). Вот они-то и впрямь проявили себя эпически героями. Матерью Михаила и Всеволода была гречанка. Не поладив с Боголюбским, собралась с детьми на историческую родину. Однако ее сыновья росли русскими, воспитывались на былинах и сказаниях. Михаил отказался уезжать, остался на южных границах Руси.

Восьмилетнего Всеволода мать привезла в Константинополь. У императора Мануила Комнина он оказался среди роскоши дворцов, будущее ему было обеспечено. Но мальчик, едва подрос, сбежал. Странствовал по всей Европе и вернулся на Русь. Нашу страну тогда раздирали жесточайшие свары, князья рубились за Киевский престол. Половцы снова повадились грабить. Юные Михаил и Всеволод в усобицы втягиваться не стали, а набрали дружины и взялись оборонять государство от степняков. Громили врагов, освобождали пленников. После убийства Андрея Боголюбского братья отправились на север, по очереди становились великими князьями Владимирскими. Муром же всегда был союзником владимирских государей, присылал им воинов.

Что касается последнего земного пристанища св. Ильи, Киево-Печерского монастыря, то это была далеко не рядовая обитель. Прославилась к тому времени духовными подвигами преподобных Антония и Феодосия, Пимена, Феодора, Василия, Николая Святоши, св. мучеников Кукши, Евстратия Постника, многих других иноков. Мало того, стала центром русской церкви! Во второй половине XII столетия отношения с Константинопольской патриархией были сложными. Мануил Комнин и патриарх Лука из политических соображений решили пожертвовать православием, передать церковь в подчинение папе римскому. Наше духовенство эту инициативу не поддержало. Тогда его наметили раздавить.

Киевский митрополит Константин, присланный из Византии, принялся под разными предлогами снимать неудобных епископов. Придирался к мелким различиям в церковной практике: на Руси было принято смягчать посты по средам и пятницам, если они приходились на великие праздники, Константин объявил это ересью, запретил богослужения в Киево-Печерском

монастыре, а настоятеля, св. преподобного Прокопия, отлучил от церкви. В 1169 году в Киев пожаловало посольство из Рима. Ставленник византийцев великий князь Мстислав Изяславич и митрополит повели переговоры о сближении церкви и союзе, готовились послать русских воинов на запад, лить кровь за папские интересы.

Договориться им не дали. На Киев двинулось войско Андрея Боголюбского. Присоединились 11 князей, в том числе брат Всеволод. Когда овладели столицей, митрополиты храмы сочли оскверненными, вывезли из них святыни, иконы, книги. Печерский монастырь был взят под охрану. Он вообще пользовался особым уважением князей Северной Руси. Ему покровительствовали смоленский Ростислав Набожный, Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо. Во Владимире существовало подворье этой обители.

Словом, когда бы ни жил св. Илья, монастырь он выбрал во всех отношениях подходящий.

Православная церковь канонизировала богатыря в 1643 году, в числе почти семи десятков угодников Киево-Печерской лавры. Правда, Украина в то время принадлежала Польше, и ничто вроде бы не предвещало позитивных перемен. Когда же началось официальное

почитание киевских святых, всего через пять лет грянуло восстание Богдана Хмельницкого. Чужеземцев изгнали, Украина обратилась с просьбой о воссоединении с Россией на вечные времена. Может ли быть случайным такое совпадение? Ведь печерские праведники молили Бога о всей Руси, и св. Илья Муромец бился за единую Русь.

Когда же началось официальное почитание киевских святых, вскоре грянуло восстание Богдана Хмельницкого. Украина обратилась с просьбой о воссоединении с Россией на вечные времена

Вот еще одно совпадение. Поначалу мощи преподобного богатыря покоились в приделе Софийского собора, потом их перенесли в Антониевы пещеры. В 1911-м случилось так, что поблизости от св. Ильи похоронили Петра Столыпина. Они лежат рядом — два человека, во многом не похожих друг на друга, но очень близких по духу, прижизненным устремлениям. Один сражался мечом, другой — на государственном поприще. Оба боролись

за величие и безопасность родной державы, в разные эпохи силились уберечь ее от распада и гибели.

Св. Илью Муромца высоко чтит и в царской, и в советской России. Его именем был назван первый тяжелый бомбардировщик. В годы Великой Отечественной крушил врагов одноименный бронепоезд, построенный на пожертвования муромлян. А после взятия Берлина союзники создали шарж на сюжет известной картины Виктора Васнецова. Алешу Поповича изобразили с лицом Константина Рокоссовского, Добрыню Никитича — Ивана Конева. Илье Муромцу придали черты Георгия Жукова.

Святого воина почитают и сейчас. В его честь строятся храмы, воздвигаются памятники, о нем снимают фильмы. Ему молятся об исцелении от тяжких недугов. Его считают своим небесным покровителем пограничники, бойцы и офицеры ракетных войск стратегического назначения.

Церковь отмечает его память 1 января. Кстати, а может быть, стоило бы в этот день организовывать по городам и весям богатырские праздники? Поиграть силушкой, пробежаться на лыжах, побороться, пострелять из лука? Вместо того, чтобы страдать от похмелья и дожидаться вчерашний оливье...

ФОТО: ЮРИЙ НАБАТОВ/ТАСС

Стратегический ракетносец Ту-160 «Илья Муромец»

Философ о философе

ФОТО: PHOTOPRESS

Основы научного эллинизма

Ксения Швед

Великий русский философ и филолог, страстный театрал и меломан, исследователь античной культуры и религиозный мыслитель, принявший монашеский постриг от рук афонского архимандрита Давида, «простой советский заключенный», вышедший на волю с почетной грамотой труженика-строителя Беломорско-Балтийского канала, — Алексей Лосев почти полностью потерял на лагерных работах зрение (различал лишь свет и тьму), однако смог до конца жизни сохранить не только крепкую веру в Бога, но и потрясающую работоспособность.

В СПИСКЕ его опубликованных трудов более тысячи наименований. В Российской государственной библиотеке для слепых установлен его бюст, в напоминание о том, что потеря одного из важнейших человеческих чувств — вовсе не препятствие на пути к реализации данных Богом талантов. Ведь Лосев — самый выдающийся исследователь античности, ученый с мировым именем.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

А. Лосев. 1960

Он родился 23 сентября 1893 года в Новочеркасске, в семье скрипача-виртуоза, церковного регента, женатого на дочери протоиерея. Последний крестил внука в храме, где служил настоятелем. Прадед по материнской линии за боевые заслуги в Отечественной войне 1812 года был удостоен потомственного дворянства.

Отец оставил семью, когда мальчику было всего лишь три месяца. Его воспитанием занималась мать. От родителя Алексей унаследовал страсть к музыке и театру. Окончил музыкальную школу по классу скрипки. Этому увлечению в дальнейшем посвятил несколько работ, самая известная из них — «Музыка как предмет логики» (1927): музыкальная стихия здесь рассматривается с точки зрения математики, психологии и пространственной диалектики.

Любовь к античности была заложена в нем с детства, а его любимым преподавателем в гимназии стал учитель древнегреческого и латинского языков Иосиф Микш. В 1911-м Лосев поступил в Московский университет сразу на два отделения — филологическое и философское. О степени подготовки, уровне требований к студентам говорит, к примеру, такой факт: сдавая экзамен по классическим языкам, будущий философ переводил Софокла с древнегреческого на латынь, затем — на архаический язык Гомера.

Окончание университета пришлось на 1915-й, а начало трудовой деятельности — на годы революционной смуты, Гражданской войны, повсеместного голода и борьбы с классовыми врагами, к которым новая власть его причислила. Не только происхождение и

образование, но и религиозные взгляды стали причиной гонений. Обвенчавшись с Валентиной Соколовой (в Сергиевом Посаде, у о. Павла Флоренского), Лосев вместе с супругой начал интенсивную интеллектуальную и духовную жизнь. В их квартире действовал кружок, в котором обсуждались философские и богословские проблемы.

В те времена — перед революцией и сразу после нее — в России было на слуху имяславское движение. К нему примыкали многие интеллектуалы, включая о. Павла Флоренского. Размышляли об имени Бога — о том, является оно просто словом, состоящим, как и все прочие, из обыкновенных букв, или же представляет собой мощнейший проводник божественных энергий. Некоторые монахи, практиковавшие Иисусову молитву (непрестанное повторение «Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного»), утверждали, что она приобретает человека к Богу, что Его Имя в некотором смысле — Сам Бог. В монашеской республике на горе Афон по этому поводу даже возникла смута, из-за чего часть иноков выслали в Россию. Среди них оказался и архимандрит Давид (Мухранов), ставший много позднее духовным отцом супругов Лосевых. Те приняли монашество с именами Андроника и Афанасии, продолжая жить и трудиться вместе...

Алексей Федорович успел до своего ареста опубликовать восемь книг (по терминологии Сергея Хоружего, «первое восьмикнижие»), где раскрыл собственную религиозно-философскую систему. С 1927-го по 1930-й вышли: «Античный космос и современная наука», уже упомянутая «Музыка как предмет логики», «Философия имени», «Диалектика художественной формы», «Очерки античного символизма и мифологии», «Диалектика числа у Плотина», «Диалектика художественной формы», «Критика платонизма у Аристотеля» и... роковая «Диалектика мифа» — с откровенными антисоветскими выпадами и «вредными» религиозными размышлениями. Последняя как раз и послужила причиной ареста. Как видно из названий, мыслителя больше всего занимали темы имяславия, эстетики, античной философии, мифотворчества,

«Дом А.Ф. Лосева» на Арбате

ФОТО: PHOTOPRESS

ФИЛОСОФ О ФИЛОСОФЕ

пронизывающего жизнь людей, в какую бы эпоху они ни жили.

По Лосеву, свои мифы и даже идолы есть у всех. В том числе — у материалистов-атеистов, которые, в отличие от античных авторов, этого не осознают. Более того, энергично отрицают.

В основе их учения лежит не логика и не знание, но некое сверхчувственное откровение. Они утверждают, что нет ничего, кроме материи, но при этом верят в чудеса: *«Ведь это же подлинное чудо — появление вещей из материи»* (курсив А. Лосева).

Само по себе строительство социализма не что иное, как миф: «Иной раз вы с пафосом долбите: «Социализм возможен в одной стране. Социализм возможен в одной стране...» Не чувствуете ли вы в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас в душе: «Н-е-е-е-е...», или «Н-и-и-и-и-и...», или просто «И-и-и-и-и-и...» И это, конечно, действуют в душе иноприродные ей существа». Таким образом, любой догмат, социальный ли, научный или религиозный, требует внерациональных аргументов: «Кто во что влюблен, тот и превозносит объективность соответствующего предмета своей любви».

С искрометным юмором и прекрасной эрудицией показывая разнообразные сферы жизни — от поэзии, философии, богословия до бытовых анекдотов, философ дает понять: человек в социальном и личном существовании живет мифами, которые приспособливает под идеологию и даже религию. Такая книга не могла пройти незамеченной со стороны властей. В страстную пятницу, 18 апреля 1930-го, Лосева и его супругу арестовали. Мыслителя, которому исполнилось 37 лет, приговорили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Работая сначала на лесоповале, потом — при крайне плохом свете — в конторе, он почти совсем ослеп и получил работу сторожа, поскольку больше ничего

не мог делать, находясь в заключении. Пережил внутренний кризис, связанный с верой, борьбу с отчаянием и отвращением к окружающей действительности. Благодаря заступничеству Екатерины Пешковой, первой жены Максима Горького, ему и Валентине Михайловне разрешили — с восстановлением гражданских прав — вернуться в столицу.

Лосев являлся известной в академических кругах фигурой как у

нас, так и за рубежом, уже к концу 20-х. Было невозможно его совершенно игнорировать, запретить ему всякую научную деятельность. Философу позволили заниматься лишь античной филологией, мифологией и эстетикой. Кураторы полагали, что занятия древними языками и невинной теорией прекрасного не могут принести вреда советской идеологии.

О Лосеве знал Сталин, который, по слухам, не возражал против существования «одного идеалиста в стране» (двух-трех, мол, было бы слишком много, а один пусть живет). Тем не менее его труды не печатали, 23 года Алексей Федорович писал «в стол». Увы, многие рукописи пропали: и в момент ареста, и во время немецких бомбежек Москвы.

В 1963 году выходит первый том «Истории античной эстетики» — главной, самой известной работы Лосева в восьми книгах («второе восьмикнижие»), над которой мыслитель работал до конца дней. Последние тома опубликованными увидеть не довелось...

Отдавая дань античной эстетике, он ухитрялся, часто в завуалированной форме, размышлять и над философской проблематикой 1920-х: о смыслах имен, символов, знаков, важности античной философии, о музыке, мистике, судьбе отдельного человека и целой цивилизации.

Ничто не происходит по воле слепого случая. Древние греки связывали такое положение вещей с неумолимой судьбой, христиане — с Промыслом Бога. Античность и древние языки, которыми Лосев был вынужден заниматься после освобождения из лагеря, также не могли быть, с его точки зрения, случайностью. Это была область, не затронутая советской идеологией, сфера чистой мысли, которую так ценил философ, территория наибольшей, предельно возможной в то время свободы.

После лагерей и тюрем он никогда не проявлял своего истинного отношения ни к власти, ни к богословию, ни к вере. Стал осторожнее, мудрее и находил в этом не признак трусости, а особое смирение — перед Промыслом, пути и цели которого человеку в силу ограниченности его ума неведомы. Он ушел во внутренний глубочайший затвор, безмолвие, изучая лишь историю греческой культуры. Там для него сконцентрировалась вся судьба европейской и русской цивилизаций, утвержденных на основах христианского богословия, унаследовавшего основные категории и сам способ мышления от античности.

Древнегреческая культура, по Лосеву, невероятно выразительна, чрезвычайно скульптурна, поэтому он смог ее описать с точки зрения эстетики. Советскую цензуру усыплял не только цитатами из Маркса и Энгельса и ссылками на «исторические формации», но и нейтральными названиями (вкуче с содержанием) книг, которые могли быть интересны в условиях бдительного надзора только узким специалистам. Под давлением цензоров иногда по многу раз переписывал страницы своих рукописей, чтобы их допустили к печати.

Как ученый видел античность? Как детство человечества. Именно поэтому в ней так много глубины, наивности, притягательности, изощренной фантазии — верной спутницы философии. Древние греки по характеру духовного развития были детьми, с непосредственным и в то же время гениальным взглядом на мир.

Античность как тип культуры началась мифом и расцвела в тончайшем орнаменте рассудочных и космогонических построений. Завершилась тоже мифом — в неоплатонизме, когда философские категории превратились в бесчисленных богов, а сами неоплатоники стали, скорее, магами и теургами, нежели мыслителями, ищущими

свободы в стихии разумного. Сократ был первым античным мыслителем, обратившимся к проблеме личности, человека, хотя эта тема тогда не была осмыслена и существенно не повлияла на культуру. Античная личность всегда была растворена в космосе или в социуме. Тем не менее впервые в истории человечества эта важнейшая проблема была поставлена.

Античность и древние языки были областью, не затронутой советской идеологией, сферой чистой мысли, которую так ценил философ, территорией предельно возможной в то время свободы

На смену Абсолюту, безлично-му Космосу, неумолимой Судьбе в христианстве вышли на первый план Бог и человек, а в центре истории оказалась драма их взаимоотношений. Ценил античность за великую силу мысли и дерзание философского поиска, Лосев в конце жизни подчеркивал ее ограниченность, которую смогла преодолеть христианская эпоха.

Та подняла на небывалую высоту понятие личности, спасающейся в вечности.

Последним его текстом стало приветственное слово на праздник святых Кирилла и Мефодия, к 1000-летия Крещения Руси. Он написал: «Меня, как и всех, всегда учили: факты, факты, факты... Но жизнь меня научила другому... волей-неволей часто приходилось не только иметь дело с фактами, но еще более того, с теми общностями, без которых нельзя было понять и самих фактов. И вот та реальная общность, те священные предметы, которые возникли у меня на путях моих обобщений: родина, родная гимназия... единство филологии и философии; Кирилл и Мефодий как идеалы и образцы этого единения, и, наконец, церковь в здании моей гимназии... посвященная Кириллу и Мефодию, где каждый год 24 мая торжественно праздновалась память этих славянских просветителей».

Скончался философ именно 24 мая 1988-го, на девяносто пятом году жизни, через несколько дней после написания финального приветствия граду и миру, проявляя даже в смерти свою гениальную интуицию, подтверждая мысль о неслучайности, глубоком смысле каждой человеческой судьбы.

«Перикл и Аспазия в мастерской Фидия»

Год Греции

Эллада против Османов

Валерий Бурт

Национально-освободительная революция — это горячие лозунги, реяние знамен, звон и скрежет штыков. Цели ясны, помыслы чисты. Обретут ли смельчаки счастье в борьбе в «век девятнадцатый, железный»?..

В Грецию, скованную тяжкими кандалами Османского ига, доносятся слухи о возникшей в России тайной организации «Филики этерия», что означает «Общество друзей». Речи основателей — Николаоса Скуфаса, Эммануила Ксантоса и Атанасиоса Цакалофа — исполнены праведного гнева, зовут на битву.

«Геройской кровию земля промокла...»

В 1818-м «Этерия» ищет лидера и обращает взоры на соотечественника, министра иностранных дел России, графа Иоанна Каподистрию. Тот на предложение возглавить организацию отвечает отказом. Но отыскивается другой пассионарий...

П. фон Гесс. «АЛЕКСАНДР ИПСИЛАНТИ ФОРСИРУЕТ РЕКУ ПРУТ»

Брат Александра
Ипсиланти —
Дмитрий

Наступает время решительных действий. В ночь на 6 марта (22 февраля) 1821 года несколько сотен вооруженных людей под покровом темноты переправляются через замерзший Прут. Их ведет увенчанный боевыми наградами генерал русской армии Александр Ипсиланти. Плечом к плечу с ним сподвижники: родные братья, полковник Кантакузен, Георгий Мано, польский офицер Гарновский.

Через несколько дней революционный отряд прибывает в Яссы. Сторонники «Этерии» встречают Ипсиланти и его товарищей гудом восторженных приветствий. Князь обнимает их, повторяя: «Я пришел умереть с вами».

Первые столкновения с турками оказываются победоносными. Оптимизм революционеров уже не бурлит — бьет через край.

*Уже в отечестве потомков
Фемистокла
Повсюду подняты
свободы знамена,
Геройской кровию земля
промокла
И трупами врагов удобрена!*

Это слова будущего декабриста Кондратия Рылеева.

Стремительная карьера

Генерал происходил из богатой греческой семьи. В нем текла кровь бунтаря и воина. Он был храбр, че-

столюбив, жаждал освобождения родины, как и его предки. Родитель, князь Константин Ипсиланти, господарь сначала Молдавии, потом Валахии, замыслил план восстания против турок. Но грандиозная затея провалилась. Вынужденный бежать в Россию, он вскоре узнал о злодейской расправе османов над его 82-летним отцом.

Карьера Александра Ипсиланти не то что двигалась — стремительно неслась вверх. 15-летним он был представлен ко двору, где его благосклонно приняла вдовствующая императрица Мария Федоровна, обещавшая «покровительствовать ему при вступлении его в свет». В апреле 1808-го Александр поступил в Кавалергардский полк, сам государь на соответствующем прошении начертал резолюцию: «Зачислить в кавалергарды с чином корнета».

Спустя два с лишним года стал поручиком, еще через пару лет, в ходе Отечественной войны — штаб-ротмистром. А незадолго до этого участвовал в Бородинском сражении.

В заграничной кампании 1813 года, в сражении при Дрездене, с ним, уже ротмистром, случилась беда: неприятельское ядро оторвало правую руку. Тяжелое увечье, казалось, зачеркнуло возможность дальнейшей военной службы. Русский император, наслышанный о его геройстве, проявил участие и

пожаловал тезку званием флигель-адъютанта. А вскоре 25-летний Ипсиланти был произведен в генерал-майоры.

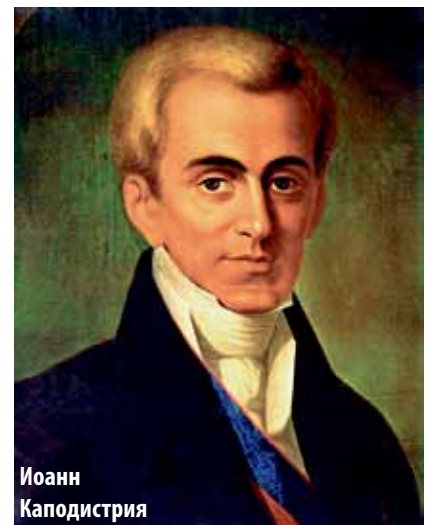
Мысли об угнетенной родине не оставляли его. Во время бесед с друзьями и близкими «надежда, что греческий народ некогда будет свободен, являлась ему радужным сном» (Панчулидзева С.А. Сборник биографий кавалергардов, 1724–1908).

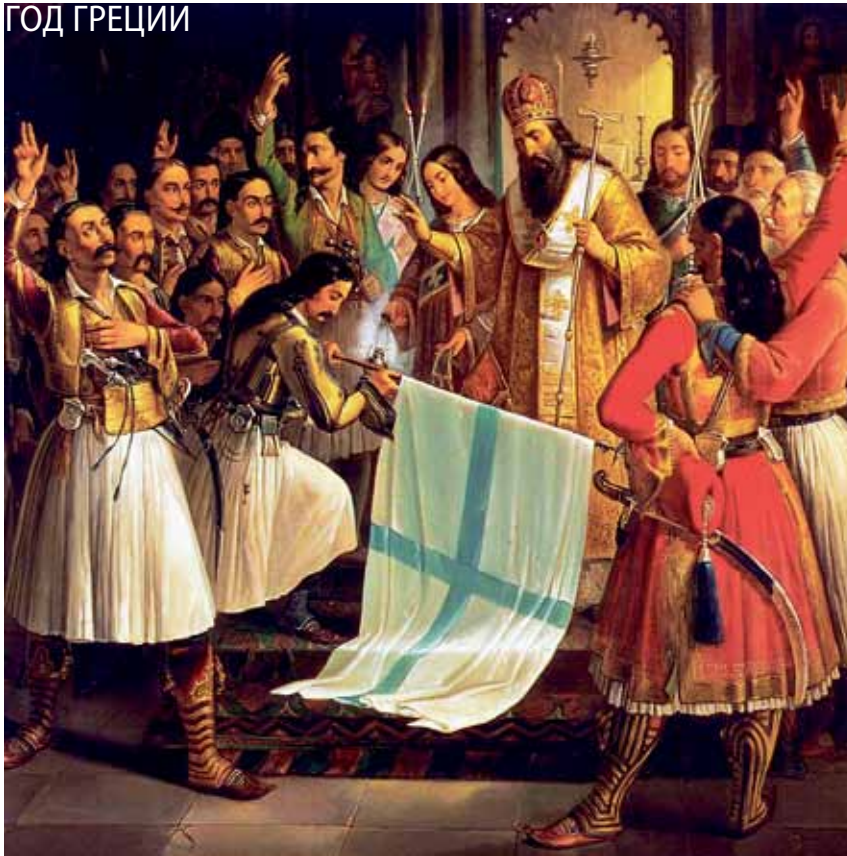
Князь был романтиком, но не лишенным обстоятельности. Понимал, что грекам в одиночку не справиться с поработителями. И лелеял мысль склонить к поддержке соплеменников русского царя. Рассчитывал Ипсиланти и на помощь графа Каподистрия.

Умный и бескорыстный

Граф — родом из старинной аристократической семьи, жившей на острове Корфу. Учился в Италии медицине, однако стал политиком. В частности, занимал пост государственного секретаря Республики Семи Островов — первого в новой истории независимого островного государства греков. Когда эта территория перешла под контроль Наполеона, Каподистрия получил приглашение перейти на русскую службу. Это было в 1807 году.

И его карьера — видно, при дворе греков жаловали — развивалась

Иоанн
Каподистрия

молниеносно. Меньше чем через десяток лет ему кланялись те, кто прежде взирал на него с иронической усмешкой. Его все чаще видели оживленно беседующим с царем, что вызывало жгучую ревность придворных. Впрочем, расположение Александра I грек завоевал отнюдь не лестью, а делами. К примеру, император нередко пользовался советами графа во время Венского конгресса европейских держав 1814–1815 годов.

«Совершенное его бескорыстие в денежных и служебных отношениях, — писал современник, — всегдашняя скромность, воздержанность и большая откровенность, ловко соединенная с чувством повиновения, с каждым днем укреплялись и увеличивали его влияние на Александра Павловича». Писатель Николай Карамзин называл графа «умнейшим человеком двора».

Каподистрия обрел известность не только на дипломатическом поприще. Имел репутацию просвещенного человека, вращался в кругах литераторов. Стал почетным членом известного литературного

Каподистрию все чаще видели оживленно беседующим с царем, что вызывало жгучую ревность придворных. Впрочем, расположение Александра I грек завоевал отнюдь не лестью, а делами

кружка «Арзамас», куда входили Александр Пушкин и Василий Жуковский.

Каподистрия всей душой был на стороне своих соплеменников. Вынашивал план создания независимого греческого государства. Считал, что Сербия, Валахия и Молдавия должны стать независимыми от Турции странами, объединенными в политический союз.

Свои соображения — задолго до выступления Ипсиланти со товарищи — представил Александру I. Но тот к этим планам отнес-

ся скептически. Идея ослабления Османской империи казалась заманчивой, однако вступление в войну с мощной турецкой армией таило непредсказуемые, опасные последствия. К тому же искры греческой революции могли рассыпаться по всей Европе и залететь в Россию.

Не будем забывать и то, что на Венском конгрессе страны — победительницы Наполеона договорились о нерушимости послевоенного миропорядка, о невмешательстве во внутренние дела других государств. В отличие от «союзников» Россия была намерена выполнять взятые на себя обязательства.

Граф понял, что надеждам на прямую помощь Российской империи сбыться не суждено. И как прагматичный, трезвый политик скептически отнесся к устремлениям Ипсиланти и его сторонников. Потому и ответил отказом на предложение возглавить «Этерию». Деньгами, впрочем, революционерам помог изрядно.

«Отныне он принадлежит истории»

24 февраля 1821 года Ипсиланти составляет обращение к грекам: говорит о необходимости единения во имя победы, сочувствии их делу, которое разделяют многие европейцы. Уверяет, что им на помощь идет некая «державная сила», под которой подразумевается помощь русской армии.

Он отправил письмо российскому императору, находившемуся на конгрессе в Лайбахе. Князь, в частности, писал: «Благородные движения народов исходят от Бога, и, без сомнения, по Божию вдохновению поднимаются теперь греки свергнуть с себя четырехвековое иго. Долг в отношении к отечеству и последняя воля родительская побуждают меня посвятить себя этому делу... Я смею уверить Ваше Императорское Величество, что никакие человеческие силы не мо-

гут остановить этот благородный порыв греков и что сопротивление общему желанию нации может только погубить ее навсегда, тогда как, управляя ее энтузиазмом, должно надеяться спасти ее. Государь! Неужели вы предоставите греков их собственной участи?..»

Еще одно послание ушло в адрес Каподистрии.

«Первый шаг кн. Ипсиланти прекрасен и блистателен! — восторгался Пушкин. — Он счастливо начал! 28 лет, оторванная рука, цель великодушная. Отныне он принадлежит истории».

Негодующий отказ

Весть о походе Ипсиланти вызвала бурю восторга в России. Вдохновились событиями и поэты. Вильгельм Кюхельбекер сочинил «Греческую песнь», где были такие слова:

*Века шагают к славной цели;
Я вижу их: они идут!*

Уставы власти устарели;

*Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы:*

*О радость! Грянул час,
веселый час свободы!..*

Пошли слухи о том, что Александр I намерен бросить на помощь восставшим армию блестящего генерала Алексея Ермолова. Рылеев возрадовался: «Наперсник Марса и Паллады! / Надежда сограждан, России верный сын, / Ермолов! Попеши спасать сынов Эллады...»

Ничего подобного не произошло. На письма Ипсиланти, отправленные императору и Каподистрии, ответил последний. Слова его дышали негодованием: «Как вы смели обещать жителям княжества поддержку великого государства? Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы от императора, ибо мы повторяем, что недостойно его подкапывать основания Турецкой империи постыдными и преступными действиями тайного общества... Ни вы, ни ваши братья не находятся более в русской службе,

и вы никогда не получите позволения возвратиться в Россию».

Но мало кто знал тогда, что Ипсиланти оказался вне закона. Шел сбор денег для сражавшихся греков, отовсюду звучали призывы начать отправку добровольцев.

По Москве и Санкт-Петербургу полетели слухи, что ссыльный Пушкин бежал из Бессарабии в Грецию на помощь революционерам.

Поэт и впрямь затевал отъезд, следил за ходом событий, регулярно пополнял «Журнал греческого восстания». Однако... разуверился в успехе этеристов, и прежде всего — в способностях их лидера. Доказательство тому — фрагмент из повести «Кирджали»: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать...»

Судьба мятежного генерала

Поход Ипсиланти завершился плачевно. Регулярная турецкая армия разбила его отряды. Сам князь вынужден был бежать в Австрию, где его арестовали и посадили в каземат как государственного преступника.

Князя Александра обвиняли в том, что он окружил себя «целой армией родных и льстецов». Говорили, что в штабе Ипсиланти царил анархия, он вел себя надменно, словно император, с боярами обращался, как с лакеями, заставляя их долго и униженно ждать в прихожей... Но как же жаль сквозь толщу веков этого гордеца! Объятый благородным порывом, он искренне хотел счастья своему народу. Пусть и не представлял, какую глыбу ему предстояло свернуть. Как бы там ни было, Ипсиланти начал дело, которое продолжили другие. И завершили успешно.

Он целых шесть лет томился в застенках. Не помогло и обращение

матери, Елизаветы Ипсиланти, к Александру I. Император ответил, что «обязанности высшего порядка, независимые от всяких личных взглядов, запрещают ему исполнить ее желания».

Лишь в ноябре 1827 года князя освободили. Но путь в Россию перед ним был закрыт, как и дорога в Грецию. Несчастный хотел поселиться в Италии, однако судьба отмеряла его последние дни. Доехав до Вены, 31 (19) января 1828 года Александр Ипсиланти внезапно скончался от удара.

Опальный политик и «полковник Райкос»

Каподистрия вскоре после выступления мятежного князя потерял расположение царя и вынужден был уйти в отставку. Жил в Женеве, пристально следя за событиями на родине. Жаждал добраться туда, и случай такой представился.

Пламя, зажженное Ипсиланти, продолжало бушевать. В 1830 году национальная революция в Греции завершилась освобождением страны. Греки приняли гражданскую конституцию. А правителем был избран Иоанн Каподистрия.

Тот был полон энергии, планов по обустройству нового государства и не подозревал, что финал его жизни уже близок. 9 октября (27 сентября) 1831 года Каподистрия пал жертвой заговора...

Среди добровольцев, участвовавших в той революции, были не только русские греки, но и воины с куда более распространенными в наших краях фамилиями. Один из них — Николай Райко. Этот герой заведовал крепостью Паламидис, занимал должность военного губернатора города Патры. Прославился в Греции как главный начальник артиллерии, подполковник армии. Его, служившего бескорыстно, отказывавшегося от всякого вознаграждения, называли «полковник Райкос».

Русский характер

ФОТО: ЯКОВ ХАЛИП/ФОТОХРОНИКА ТАСС

Лед и пламень Ивана Папанина

Андрей Самохин

Символом первопроходчества, воли и мужества советского человека Иван Папанин признан наряду с Валерием Чкаловым и Юрием Гагариным. Начальник первой в мире дрейфующей станции, вместе с тремя другими смельчаками он проплыл на льдине девять месяцев по грозным арктическим водам. Возглавив позже Главсевморпуть, стал одним из создателей нашего ледокольного и научного флота, знатным орденоносцем, контр-адмиралом и доктором наук. А еще — топонимом на карте, типом судна, литературным прототипом и даже новым женским именем! Была у него и другая известность — темная слава крымской молодости...

15 МАРТА 1938 года Ленинград встречал триумфаторов-папанинцев, эвакуированных с льдины. Океанолог Петр Ширшов, геофизик Евгений Федоров, радист Эрнст Кренкель вместе с их руководителем купались в море флагов, цветов, приветственных здравиц и восторженных глаз. А 17 марта автомобили, похожие на клумбы, въезжали в Кремль, где у широко накрытых столов новых героев ждала высшая награда: крепкие объятия вождя. В ответ командир экспедиции подарил «командиру страны» пса Веселого, бывшего пятым членом их ледовой команды. Каждый участник легендарного дрейфа стал Героем Советского Союза, был награжден орденом Ленина. На музыку братьев Покрасс и Исаака Дунаевского коллектив авторов написал песню в их честь: «То не призраки чернеют на снегу, / То четверка храбрят живет на льду. / Им ни сжаться не страшно и ни пурга — / Воспитала их Советская страна!». Фильм о рискованной экспедиции, снятый Марком Трояновским на студии ЦСДФ, побил в кинотеатрах страны рекорды посещаемости, а валютной выручкой покрыл затраты на экспедицию.

Дети во дворах теперь играли в папанинцев, а ономастика пополнилась новым причудливым именем — аббревиатурой Лапанальда (лагерь папанинцев на льдине).

Славить участников станции «Северный полюс» было за что. Помимо личного мужества и стойкости (все могло закончиться трагически в любой момент), они преподнесли миру научные сведения исключительной важности. Ежедневно в течение всего плавания измеряли глубину и скорость дрейфа, брали пробы донного грунта (для этого приходилось часами крутить на ветру и морозе ручную лебедку), определяли координаты, вели магнитные и гравитационные измерения, исследовали атмосферное электричество. На льдине

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Первая дрейфующая станция «Северный полюс-1» И. Папанина. 1937

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Торжественная встреча папанинцев в Москве. 17 марта 1938 года

ФОТО: РИА НОВОСТИ

П. Ширшов, И. Папанин, Э. Кренкель и Е. Федоров с женами. 1938

работала самая северная в мире метеостанция. Испысанными оказались 52 килограмма тетрадей!

Впервые была измерена глубина океана в районе полюса. Оказалось, что она больше четырех километров, и это стало неожиданностью для ученых. Также не было известно, что теплый Гольфстрим добивает до самой северной точки, а воды Ледовитого океана полны разнообразной жизни.

«На ощупь» выяснили, что под проплывавшей льдиной вздымаются подводные хребты. Воочию зафиксировали, что льды кружатся вокруг полюса по замкнутому кольцу. Выявили закономерности циркуляции атмосферы над макушкой планеты и величину магнитного склонения, которые с ходу стали учитывать моряки и летчики. По совокупности результатов Папанину и Кренкелю присвоили степени докторов географических наук, а Федоров вскоре возглавил Гидрометслужбу и был избран членкором АН СССР.

Предпринять подобную экспедицию правительство страны решилось, опираясь на драматический и поучительный опыт команды «Челюскина». В феврале 1934-го тот был раздавлен торосами, и под-

опечные Отто Шмидта вынужденно эвакуировались на лед, проведя два месяца в борьбе за жизнь и научных изысканиях. Таким образом, идеи Фритьофа Нансена, дрейфовавшего в конце XIX века на специальном яйцеобразном судне «Фрам», вмороженном в лед, было решено воплотить в гораздо более опасном, но и эффективном варианте — создать станцию прямо на льдине, оборудовав там предварительный лагерь.

Лучшей кандидатуры, чем Иван Папанин, решительный, ответственный, уже руководивший до этого двумя полярными станциями — в бухте Тихая на Земле Франца-Иосифа и на мысе Челюскин, было не найти. Экспедицию готовили очень тщательно: сверхтеплые спальники, палатка с двумя слоями гагачьего пуха и надувным полом, мощная рация, пищевые концентраты, созданные в Институте инженеров общественного питания, которые достаточно было растворить в кипятке до готовности...

Следовало долететь до полюса и посадить самолет на ледяную глыбу. Впервые в мире 21 мая 1937 года это осуществил легендарный летчик Михаил Водопьянов. Льдину выбрали удачную — треугольной

формы 4x2x2 км, трехметровой толщины. Четыре крылатых транспортника завезли полтонны оборудования и отряд подготовки во главе с Отто Шмидтом. Вскоре вырос маленький «городок» зимовщиков: палатки с радиостанцией, продовольственными складами, кухней и столовой, мастерскими. Заметим, что когда папанинцев эвакуировали, под ногами у них была ледышка размером с волейбольную площадку, а большая часть их «инфраструктуры» откололась и плыла отдельно на ледовых фрагментах, иногда издевательски приближаясь к полярникам.

Но это — к концу их одиссеи. А сначала зимовщикам и Большой земле все казалось не таким уж и опасным. Дрейф шел неспешно, со средней скоростью шесть километров в сутки, быт и труды были тяжелы, но налажены, льдина крошилась и вновь нарастала, в сети ловились рачки, собака отгоняла медведей и веселила. Папанин в радиограммах сожалел, что не остается времени, чтобы заняться с «экипажем» изучением истории партии. Всю полярную четверку избрали депутатами Верховного Совета СССР. Были и забавные моменты: в отсутствие спирта, не-

О. Шмидт и И. Папанин. 1938

ФОТО: СЕРГЕЙ ЛОСКУТОВ/ФОТОХРОНИКА ТАСС

обходимого для научного сохранения выловленной морской живности, пришлось из подручных средств соорудить самогонный аппарат и перегонять в нем марочный коньяк.

Главные испытания начались, когда наступила полярная ночь, а «ледовое судно» понесло на юго-запад со скоростью 20 километров в сутки. В Гренландском море в январе 38-го их встретили пронзительный ветер, пурга, мороз, дошедший до 47 градусов. Каждый шторм мог оказаться последним. Иван Дмитриевич писал в своем дневнике: «Эрнст сказал, что слышен сильный грохот: началось сжатие льдов. Я вышел из палатки: кругом вой, стон, треск... Толчки льдины настолько увеличились, что осыпается снег с боков палатки. Такое впечатление, будто мы живем в каком-то мешке, который чья-то сильная и невидимая рука основательно встряхивает. Спим по очереди: надо быть все время начеку!» Позже он опишет все это в книге «Жизнь на льдине».

В феврале положение стало аховым. «Судно» расплозилось на глазах, передвигаться по нему приходилось уже частично на байдарках. Трещина прошла и под жилой па-

латкой. В Москве было принято решение срочно эвакуировать папанинцев. На спасение вышли ледокольные пароходы, подлодки, вылетел дирижабль. С огромными трудностями, после нескольких драматических неудач, 19 февраля 1938-го участники экспедиции сняли с осколка льдины ледоколы «Мурман» и «Таймыр». За 274 дня члены «СП-1» преодолели в ледовом дрейфе более 2500 км. Академик Сергей Вавилов писал: «В истории исследования земного шара научный подвиг папанинцев должен быть поставлен наряду с путешествием Колумба». А легендарный американский летчик и полярный исследователь Ричард Бэрд сформулировал: «В анналах человеческого героизма это достижение навсегда останется как одно из величайших для всех времен и народов».

У Папанина было много и других заслуг перед Отечеством. В 1939 году его назначили начальником Главсевморпути. На этом посту Иван Дмитриевич сделал немало для создания мощного ледокольного флота СССР и развития арктического мореплавания. В 1940-м руководил операцией по спасению из ледового плена парохода «Георгий Седов». За отличную организацию

и личный героизм вновь получил Героя.

Во время войны координировал прохождение караванов союзников и переправку грузов ленд-лиза; приложил немало сил для реконструкции портов Архангельска и Петропавловска-Камчатского. В ноябре 1942 года на передовую ушла танковая колонна «Советский полярник». Входивший в нее именной танк КВ-1С «И.Д. Папанин» с успехом прошел всю войну. В послевоенные годы прикомандированный к АН СССР и назначенный замдиректора Института океанологии Иван Дмитриевич фактически стал инициатором создания научного флота страны.

Что это был за человек? О многом говорит впечатление, произведенное Папаниным на знаменитого дирижаблестроителя, известного итальянского полярного исследователя генерала Умберто Нобиле, с которым они познакомились на борту ледокола «Малыгин» в 1931 году: «Всегда веселый, с открытым, пышущим здоровьем лицом, на котором светились живые глаза, он был для всех добрым товарищем... Папанин так и остался в моей памяти самой живописной фигурой на «Малыгине», даже больше — одним из самых симпатичных людей на ледоколе».

Но портрет великого полярника будет неполным, если мы не отмотаем время назад — в детство и молодость, которые он сам описал в автобиографической книге «Лед и пламень».

Родившись 26 (14) ноября 1894 года в Севастополе в многодетной, бедной семье портювого матроса с греческими корнями, Ваня узнал все прелести портювой нищеты. Семейным жилищем служила арка акведука. Четыре класса земской начальной школы, работа учеником токаря мехмастерских, где изготавливали лоции, затем должность токаря в военном порту, перевод в штат судостроительного завода в Ревеле — будущий полярник был

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

очень способным юношей. Успел послужить в императорском флоте, в 17-м примкнул к большевикам, вступил в РКП(б) в 1919-м. Говорят, именно он стал прообразом матроса Шванди в пьесе Константина Тренева «Любовь Яровая».

Когда Крым — после Брестского мира — оккупировали немцы, Папанин выступил одним из организаторов партизанского движения на полуострове. Участвовал в подпольной работе и в боях, перебирался по морю в Харьков к Фрунзе за подмогой... Далее следует деталь биографии, которая, возможно, смутит многих.

С ноября 1920 года, когда Красная Армия разбила остатки войск Врангеля, и до лета 1921-го Иван Папанин был комендантом Крымской ЧК — под чутким руководством печально известных Бельи Куна и Розалии Землячки. Шел массовый террор: десятки тысяч офицеров, солдат, казаков Белой армии и прочих «буржуев» были расстреляны, утоплены, закопаны заживо. Землячка, которую Папанин именовал тогда своим «ангелом-хранителем», сформулировала задачу: «Жалко на них тратить патроны, топите их в море». «Служба комендантом Крымской ЧК, — вспоминал Иван Дмитриевич, — оставила след в моей душе на долгие годы. Дело не в том, что сутками приходилось быть на ногах, вести ночные допросы... К нам часто попадали звери, по недоразумению называвшиеся людьми... Разговор с ними был короткий: следствие, суд и — к стенке».

Такая «работа» оказалась не по силам даже стойкому коммунисту Папанину и закончилась для него клиникой. «Приговор врачей был: полное истощение нервной системы... — признавался он много позже. — Отлежал я в больнице положенный срок и пошел к Реденсу, уезжавшему в Харьков: — Не считайте меня дезертиром, но я больше не могу работать комендантом ЧК. Переведите меня куда угодно».

Папанина отпустили подобру-поздорову. И хотя впоследствии он тепло отзывался о кровавой начальной, замечал в автобиографии мимоходом, что «связи с ЧК никогда не прерывал», судьбу свою направил в иное русло и другие широты. Специальные курсы Осоавиахима, Высшие курсы связи Наркомата почт и телеграфов — он неплохо освоил профессию радиста. После чего отправился в свою первую северную экспедицию — руководить строительством радиостанции на золотых приисках Алдана. А дальше пошли уже одна за другой полярные станции, дрейф на льдине, Севморпуть...

«Север — совершенно особая страна, забирает человека без остатка», — написал он, объясняя, может

быть, самому себе подспудное желание заслонить ледяной суровостью Арктики слишком «горячие» крымские воспоминания.

Будучи заядлым охотником, в 1951-м «наткнулся» в своих любимых угодьях на биостанцию «Борок» в Ярославской области, которую ему в Академии наук предложили проверить на состоятельность, а потом и поручили возглавить в качестве временного директора. Человек ответственный и увлекающийся, он отдал станции три десятка последних лет жизни. В Борке появился даже свой флот, состоявший из списанных речных судов, переоборудованных для научных исследований. А небольшая научная станция стала Институтом биологии водохранилищ (ныне — Институт биологии внутренних вод им. И.Д. Папанина). Также Иван Дмитриевич основал научный центр на Волге, биологическую станцию на Куйбышевском водохранилище, превратившуюся в Институт экологии Волжского бассейна РАН.

Работал директором на «общественных началах», то есть без зарплаты, жил в доме из 14 комнат с прислугой. При этом в быту был крайне неприхотлив. Часто приглашаемый в школы на патриотические утренники «полярный» доктор наук вгонял в краску учительниц, ибо с трудом обходился в речи без матерных связующих междометий. Жителям Борка знатный сосед создал настоящий островок материального изобилия, за колбасой и одеждой туда ездили со всей области.

Почетный гражданин Мурманска, Архангельска, Севастополя, Липецка и Ярославской области, чье имя уже носили мыс на Таймыре, остров в Азовском море, горы в Антарктиде и Тихом океане, множество городских улиц, Иван Папанин полюбил в старости сидеть подолгу с удочкой на волжских протоках. Что виделось ему в величаво текущей воде, кроме поплавок: крошево арктических льдов, лица беляков, стоящих с камнями на ногах на дне севастопольской бухты? Бог весть.

Также не дано нам узнать, что думал он, пользуясь в арктической работе лопатами и указаниями, составленными другим великим полярником — адмиралом Александром Колчаком. Последний, если разобраться, тоже пролил немало русской крови. Но закончил свою жизнь на краю стылой проруби в 45 лет. Иван Дмитриевич Папанин прожил почти вдвое дольше, скончавшись на девяносто втором году жизни в 1986-м, и был торжественно похоронен на Новодевичьем кладбище. Такие разные судьбы! Однако, если по совести, их памятникам надо бы стоять рядом. Как мемориалам в честь великих героев, проложивших нашему Отечеству дорогу к полюсу.

Мастер дел золотых

175 лет назад 27 (15) января родился Архип Куинджи. Широкой публике он известен как автор одного, максимум двух-трех шедевров. И прежде всего — гипнотической «Лунной ночи на Днепре» (1880). Его биография полна крутых поворотов: нищета, неудачные попытки поступить в Академию художеств, затем — ошеломительный успех и миллионное состояние, еще позже — внезапное затворничество. Живописец работал вне основных течений своей эпохи, будь то социальная проблематика передвижников или постепенно проникавший в Россию импрессионизм. И при этом, по сути, предвосхитил развитие искусства первой трети XX века.

Ксения Воротынцева

БУДУЩИЙ живописец появился на свет в семье скромного сапожника в Мариуполе, куда в 1779 году по воле Екатерины II были переселены колонии греков. Тех самых, что со времен античности жили в Крыму. Его необычная фамилия, как считают исследователи, означает «золотых дел мастер» и якобы свидетельствует о профессиональных занятиях одного из предков, скорее всего, деда.

Мальчик рано лишился родителей и оказался на иждивении у родственников. Вскоре начал работать: по легенде, один из его наемателей, заметив у подростка страсть к рисованию, посоветовал обратиться к Ивану Айвазовскому. Для этого Архип в 1855 году отправился в Феодосию, однако встреча с гением-маринистом совершенно не оправдала надежд. Мастер позволил ему лишь растереть краски. В итоге юноше пришлось вернуться в Мариуполь. Затем были годы, проведенные в Одессе и Таганроге, где он работал в фотомастерских.

В 1865 году молодой художник уехал в Петербург. Столица покорила не сразу: несмотря на очевидные способности, Куинджи дважды провалился на вступительных экзаменах. И лишь в 1870-м стал, наконец, вольнослушателем Академии художеств.

Его ранние картины напоминают произведения передвижников, с которыми он познакомился в годы учебы. Например, написанный в 1875-м «Чумацкий тракт в Мариуполе»: мрачный болотный колорит, нависшие над землей облака, повозки, увязшие в грязи. На переднем плане — собака, которая, запрокинув голову, отчаянно воет. Художнику блестяще удалось передать бедность, беспросветность

«Зима. Пятна света на крышах хат». 1895

жизни чумаков — торговцев, путешествовавших по южным степям к Черному морю. В то же время он начал нащупывать свой стиль. Современников поражала причудливая игра света на его полотнах. Одна из первых таких работ — «На острове Валааме» (1873): на переднем плане два дерева, словно выхваченных лучом прожектора. Или «Лунная ночь на море» (1874), здесь проявилась любовь к контрастам, ставшая почти гипертрофированной в более поздних картинах: совсем темный парус и удивительно светлое небо.

Своеобразным прорывом послужили «Украинская ночь» (1876) и «Березовая роща» (1879). Про последнюю ученик Куинджи Аркадий Рылов впоследствии вспоминал: «Краски сочные, душистые, точно пропитаны березовым соком...»

К тому времени новая манера живописца вполне оформилась: широкий мазок, стремление к общению, а главное — необычные цветовые эффекты и контрасты. При этом его стиль не встретил понимания у коллег. Некоторые из них обвиняли Архипа в пренебрежении деталями, говорили, что рисунок у него слабый, как у ребенка. Неудивительно, что роман с теми же передвижниками оказался коротким. Еще в 1875 году Куинджи вступил в Товарищество, но вскоре вышел оттуда. Причиной стала анонимная публикация в газете

«Молва», где его упрекали в однообразности и погоне за эффектами. Позже выяснилось, что автором разгромной статьи был передвижник Михаил Клодт.

Пустившись в самостоятельное плавание, Архип Куинджи пошел на беспрецедентный шаг — в 1880 году устроил выставку одной картины. В Обществе поощрения художеств была показана «Лунная ночь на Днепре». Она произвела фурор — из-за особого, как говорят искусствоведы, фосфоресцирующего света. Контраст лимонно-зеленой луны, ее отражения в реке с темным небом и берегами вгонял зрителей в транс. Некоторую роль сыграла и необычная подача: окна плотно завесили (якобы потому, что напротив находилось красное здание, и художник хотел избежать теплых рефлексов) и направили электрическую лампу прямо на картину. Впрочем, полотно, ныне хранящееся в Русском музее, производит сильное впечатление и без подобных ухищрений. Хотя со временем оно сильно потемнело — как и многие современники, автор использовал необычные пигменты, в частности битум. Аналогичная судьба, кстати, постигла некоторые произведения Михаила Врубеля, который добавлял в краски бронзовый порошок.

Нелишне отметить: всего «Лунных ночей на Днепре» — три. Две

практически идентичные работы хранятся в Третьяковке и в Ливадийском дворце. Свою самую выдающуюся картину мастер копировал по причине феноменального успеха, который она снискала у зрителей.

Слава, пришедшая к Архипу Куинджи, позволила ему заработать огромные деньги. Но неожиданно, на волне успеха, в 1882-м, он решил стать затворником. Как оказалось, почти на двадцать лет. Сам объяснял этот поступок предельно честно: «Художнику надо выступать на выставках, пока у него, как у певца, голос есть. А как только голос спадет — надо уходить, не показываться, чтобы не осмеяли. Вот я стал Архипом Ивановичем, всем известным, ну, это хорошо, а потом я увидел, что больше так не сумею сделать, что голос как будто стал спадать. Ну вот и скажут: был Куинджи и не стало Куинджи».

Завершив выставочную деятельность, он между тем не перестал работать. Много писал — тайно, никому не показывая результаты своих трудов. А также преподавал, среди его учеников был Николай Рерих. На рубеже XIX–XX столетий Куинджи продемонстрировал несколько полотен самым близким друзьям. В 1901 году состоялась последняя выставка, после которой наступило полное молчание. Умер художник в 1910-м, заболев воспалением легких в любимом Крыму, где владел имением Сара Кикенеиз.

Его живопись, получившая признание не только на родине, но и за рубежом, по-настоящему самобытна. Казалось бы, этот коренастый, с орлиным профилем и непокорной копной волос понтийский грек был не слишком изобретателен, всю жизнь варьировал одни и те же темы, писал лесные чащобы, разрезанные посередине ручьем; природу, дышащую свежестью после дож-

дя; лунные ночи; огромные облака причудливой формы; пятна света на траве или снегу; драматичные закаты. Последние — яркие, почти кровавые — навевают ассоциации с произведениями экспрессионистов, в ту пору едва появившимися (например, Эдварда Мунка). Горные пейзажи, которые Куинджи тоже любил, оказали безусловное влияние на Рериха. А декоративность, вызывавшая отторжение у пуристов от живописи, предвосхитила творчество Бориса Кустодиева, Константина Юона...

В целом Архип Куинджи оказался провидцем, одинаково хорошо изображавшим и «солнечную» (ярким светом залито множество его пейзажей), и «лунную» ипостаси жизни. Что же касается его добровольного затворничества... Возможно, он справедливо рассудил, что некоторые вещи, в том числе степень одаренности художника, лучше оставить на суд истории.

«Красный закат». 1905–1908

2016: лица, события, даты

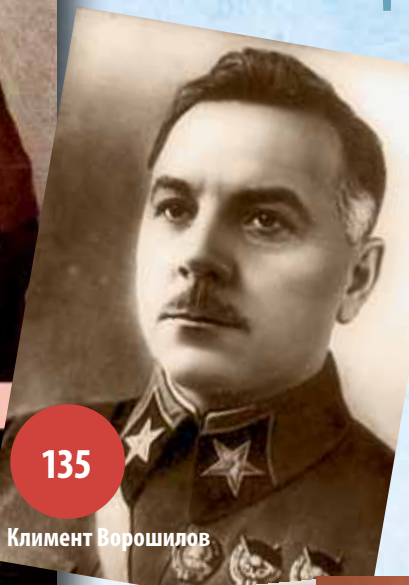

150 лет

роскebook

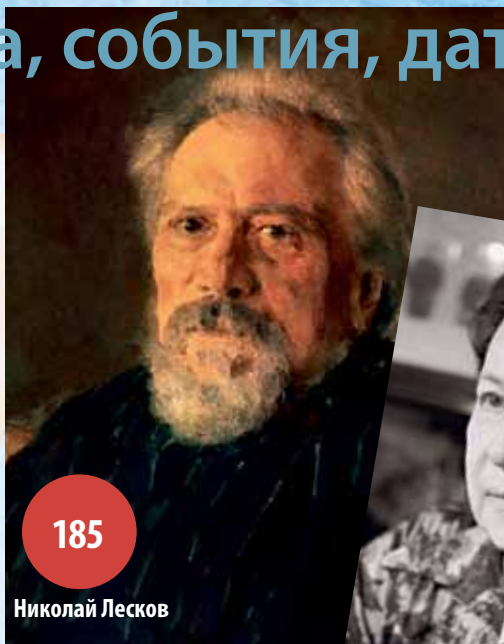
ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Преступление и наказание

135

Климент Ворошилов

185

Николай Лесков

Агния Барто

110

Отмена крепостного права

155

75

Андрей Миронов

110

Александр Рой

160

Михаил Врубель

110

Клавдия Шульженко

Аркадий Аверченко

135

240

Василий Тропинин

700

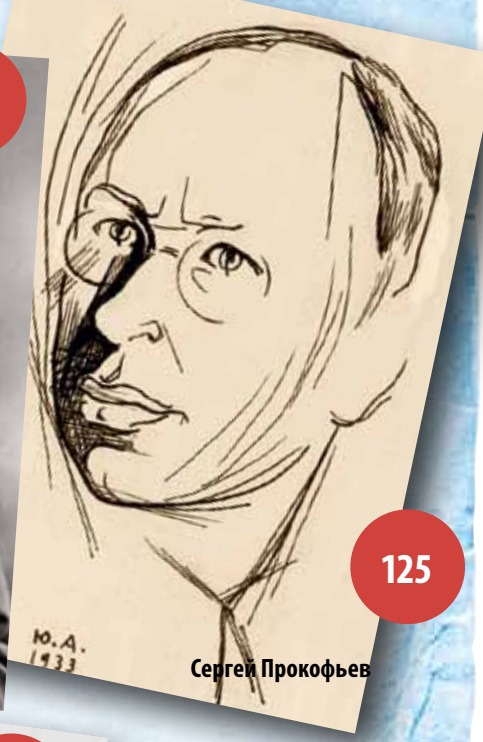
Николай Склифосовский

180

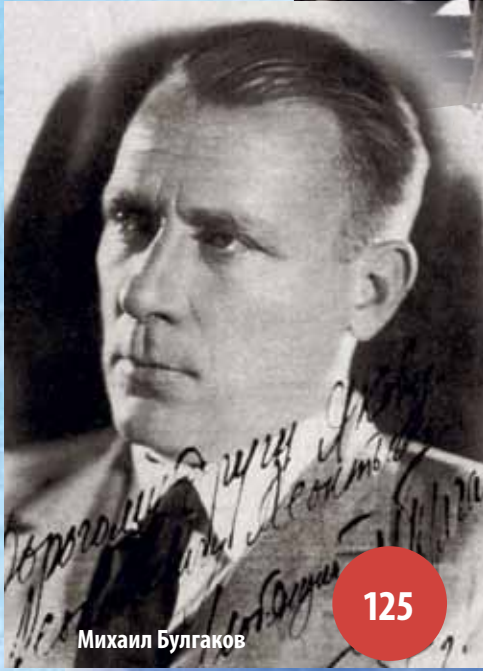
Николай Гумилев

130

125

Сергей Прокофьев

125

Михаил Булгаков

120

Первый киносеанс в России

170

Карл Фаберже

100

Брусиловский прорыв

90

Олег Кошевой

355

Царь Федор Алексеевич

125

Александр Волков

Начало Великой
Отечественной войны

75

2016: ЛИЦА, СОБЫТИЯ, ДАТЫ

220

Император Николай I

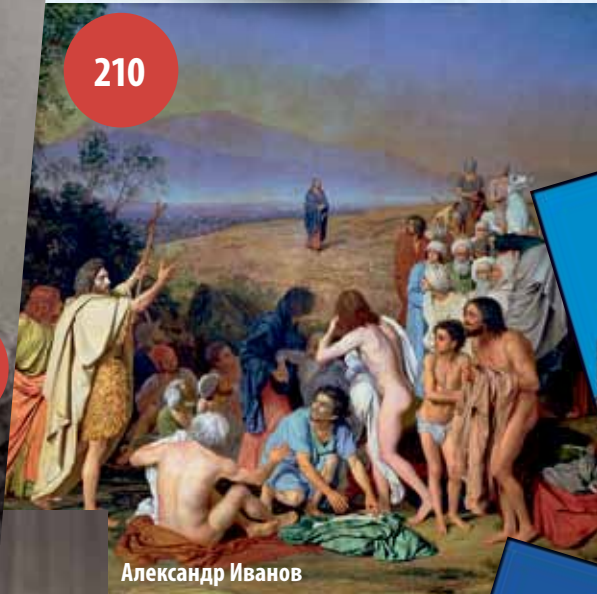
Первый залп «Катюши»

75

210

Александр Иванов

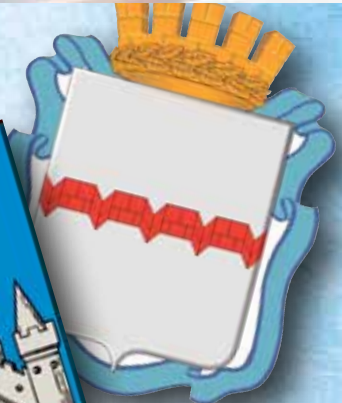
450

Орел

Омск

300

170

Николай Миклухо-Маклай

120

Фаина Раневская

870

Елец

100

Мурманск

120

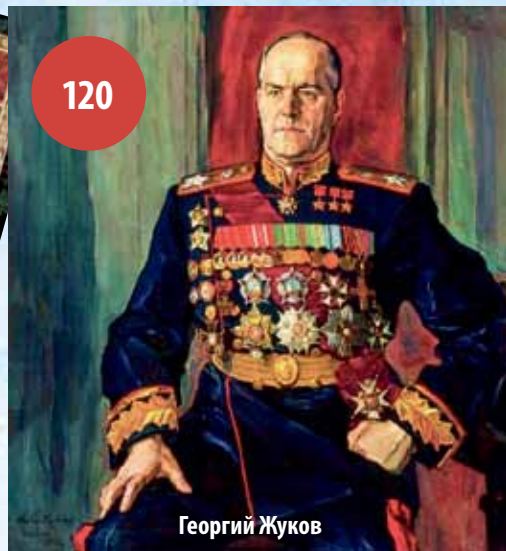
Евгений Шварц

195

Федор Достоевский

120

Георгий Жуков

215

Владимир Даль

250

Леонид Брежнев

110

Распад Советского Союза

25

Николай Карамзин

115

Александр Фадеев

100

«Крокодил»
Корнея
Чуковского

Убийство Григория Распутина

100

«Царь-пушка»

430

185

«Сказка о царе Салтане...»

Чужой среди своих

Школа злословия

Дмитрий Антонов

190-летие со дня рождения Михаила Салтыкова-Щедрина (отмечается 27 января) — для одних повод патетически воскликнуть: «Насколько же он был прав в описании вековой сущности этой страны!» Для других — возразить: «Нельзя изображать родное государство и живущее по его законам общество в виде царства тотального мрака и убожества». Кто из них прав и в чем? Попробуем разобраться.

ЕСЛИ окажетесь в Талдоме, не поленитесь отыскать одну весьма примечательную стену с мозаичным портретом бородатого, мрачного джентльмена с суровым лицом. Это один из писателей-демиургов прежних эпох, более известный во времена оны как Николай Щедрин. Он и помещик Михаил Салтыков, если вдуматься, — не одна персона, а разные личности расколотого надвое индивидуума.

Вот — потомственный дворянин, представитель очень знатной фамилии, государственный служащий, без малого четверть века подвизавшийся на чиновном поприще, а вот его alter ego, желчный сатирик, революционный демократ, ниспровергатель устоев. Как первый окончательно превратился во второго?

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Его экзистенциальные проблемы, душевные метания — что это? Насущная необходимость для писателя прогрессивных взглядов? Или «инструментальная» достаточность для того, кто стремится стать любимцем просвещенной публики?

Михаил Евграфович Салтыков принадлежал к потомкам славного боярского рода, позже — разветвленного клана титулованных и нетитулованных дворян. В этой огромной семье было все, чем славился высший класс. Она исправно поставляла *urbi et orbi* вельмож, аристократов во всем их национальном многообразии: от царицы и военачальников до мужа Салтычихи, русского аналога Елизаветы Батори, знаменитой маньячки.

Итак, помещик, владелец имения в селе Спас-Угол, куда от Талдома ныне часто ходит рейсовый автобус, имел непосредственное отношение к древней фамилии. Точнее — к ее нетитулованной ветви. Стало ли последнее, довольно принципиальное внутри той страты обстоятельство залогом некой перманентной неудовлетворенности, или же таковая развилась из-за чего-то еще, гадать бесполезно. Но факт остается фактом: светом оптимизма известный сатирик никогда не лучился.

Его творческая судьба берет начало в Царскосельском лицее, где Миша Салтыков пытался прослыть эдаким локальным Пушкиным. Не вышло, и сам он понимал причину: от недостатка поэтического таланта. Неудавшийся пиит решил тогда, по-видимому, из наивно-велеречивого романтика переквалифицироваться в беспощадного ко всему и всем сатирика, в перспективе — основать фундаментальную школу злословия или, как минимум, кафедру сотрясения основ.

В дальнейшем ему, окончившему лицей по второму разряду, пришлось довольствоваться невысоким чином. Но «генералы», которых вскоре Щедрин станет яростно высмеивать, не бросили его на произвол судьбы. Уже летом 1844-го, практически сразу по выходе из учебного заведения, он был зачислен в канцелярию военного министра.

Плоть от плоти своего класса, Салтыков был холим и лелеем заботливым сословием. Его перемещали с одного непыльного места на другое. Скажем, в наказание за вольнодумство в 1847 году (время революционных потрясений в Европе) сослали не в глухую Сибирь, а в Вятку, определив служащим при губернском правлении. А уже спустя несколько месяцев он трудился старшим чиновником особых поручений при губернаторе. После — правителем губернаторской канцелярии, советником губернского правления. И только в 1868-м покинул государственную службу, побывав перед этим на вице-губернаторских и других значительных должностях. Наверняка дослужился бы и до генеральских чинов, если бы не неумная тяга к писательству (читай, обличительству). Судя по всему, именно в этот период

И. Крамской. «Портрет М.Е. Салтыкова-Щедрина». 1879

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Село Спас-Угол

то, что в нем еще оставалось от столбового дворянина Михаила Салтыкова, полностью растворилось в писателе Николае Щедрине.

О художественных свойствах его литературы в наши дни рассуждать излишне. Мы по сей день при каждом удобном случае вспоминаем о съеденном чижике, о выборе между конституцией, севрюжиной с хреном и возможностью «ободрать кого-нибудь», о рубле, за который скоро, не исключено, будут давать в морду, об органчике, «который исполнял только две пьесы — «Раззорю!» и «Не потерплю!», о том, что у нас-де «нет середины: либо в рыло, либо ручку пожалуйте!»... Порой обнаруживаем, что многие актуальнейшие ситуации классик описал еще полтора-два десятилетия назад: «Кредит,— толковал он Коле Персианову, — это когда

«Как один мужик двух генералов прокормил»

у тебя нет денег... понимаешь? Нет денег, и вдруг — клац! — они есть! — Однако, топ cher, если требуют уплаты? — картавил Коля. — Чудак! Ты даже такой простой вещи не понимаешь! Надобно платить — ну, и опять кредит! Еще платить — еще кредит! Нынче все государства так живут!» («Господа ташкентцы»). Главный критерий творчества — долговечность, востребованность у многих поколений. По этому показателю с самым маститым нашим сатириком мало кто может сравниться. Он — имя первого ряда в истории отечественной словесности, носитель «великолепного, чисто народного, меткого слога», как выразился о нем Лев Толстой. Но следует ли из этого, что русскую жизнь вообще и XIX века в частности можно и нужно изучать по щедринским сочинениям?

Знакомство с ними у многих из нас начиналось с хрестоматийных «Сказок». А точнее — с той, где один безропотный покладистый мужик двух фантастически ленивых и зловредных генералов прокормил. Советская пропаганда вкупе с культуртрегерами над этими гротескными образами еще немного методически поработали, и — а-ле-оп! — со школьной скамьи дети и подростки усвоили первые связанные с «царским режимом» стереотипы: русский крестьянин — размазня, генералы — паразиты и садисты. Никто же не объяснял школярам, что мужик, конечно, сеял, пахал и всех в стране кормил, однако же и военачальники какую-то важную для государства роль играли — например, в сражениях участвовали, от иноземных захватчиков того же крестьянина защищали.

В дальнейшем книгочеи, которые стремились пообщиться к наследию Салтыкова-Щедрина поосновательнее, узнавали и о приключениях глуповцев, и о житии Никанора Затрапезного. Однако перечитывать эти произведения снова и снова как-то не хочется. В щедринских метафорах и гиперболах, аллегориях и шаржах, в его мрачных, отдающих безысходностью повествованиях почти нет того, что нас в классической литературе неизменно привлекает: любви во всех ее ипостасях, теплого света доброты, человечности.

Сейчас, когда идеологические установки эпохи развигото социализма остались далеко в прошлом, сле-

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

довало бы, пожалуй, вот над чем поразмыслить. Как всякий жаждущий славы, общественного признания автор Щедрин, несомненно, апеллировал к своему читателю-современнику, потенциальному «фан-клубу». Кто в этот «клуб» входил? Может быть, представители родовой знати, к которой принадлежал Михаил Салтыков? Отнюдь. Они, конечно, понимали, что у властей предрержащих во все времена (и в любой стране) масса недостатков, чтобы не сказать страшных пороков, однако то, как изображал это сатирик, им, классово близким, не могло быть по нраву ни при каких условиях.

Или, может, его читал народ, тот самый мужик, которому он посвятил, как принято считать, самые проникновенные строки? Едва ли. Представить себе русского крестьянина второй половины XIX века, листающего в свободное от работы время «Современник» или «Отечественные записки», невероятно сложно. Хотя, наверное, образ Коняги из одноименной сказки оказался бы ему безразличен: «Он спокон веку к своей юдоли привычен. Теперича хоть целое дерево об него обломай, а он все жив. Вон он лежит — кажется, и духу-то в нем нисколько не осталось, — а взбодри его хорошенько кнутом, он и опять ногами вывертывать пошел. Кто к какому делу приставлен, тот то дело и делает. Сосчитайте-ка, сколько их, калек этаких, по полю разбрелось — и все как один. Калечьте их теперича сколько угодно — их вот ни на эстолько не убавится. Сейчас — его нет, а сейчас — он опять из-под земли выскочил».

Основным потребителем щедринского творчества была «прогрессивная» интеллигенция, которая, с од-

«Господа Головлевы»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Премудрый пискарь»

ной стороны, пестовала во всевозможных формах народолюбие (то, что она под этим понимала), а с другой — при всяком удобном случае звала Русь к топору. Не раньше и не позже, но именно в год отмены крепостного права родилась всем известная «Земля и воля». А после возник терроризм. Писатель Щедрин искал особого сочувствия бомбистов и нашел его.

В доказательство этого — еще лет тридцать назад довольно тривиального, бесспорного утверждения — приведем выдержку из первой советской Литературной энциклопедии. Тогда победившие революционеры четко и методично (и, надо отдать им должное, вполне адекватно) делили исторических знаменитостей на своих и чужих: «Мысль о крестьянском восстании в том случае, если помещики не откажутся от своих грабительских притязаний, была искренним убеждением революционной демократии. Ее разделял и Салтыков-Щедрин до того момента, когда крепостническая реформа вызвала вместо революции лишь отдельные крестьянские восстания. В оценке реформы 19 февраля С.-Щ. был вполне солидарен с наиболее революционными идеологами эпохи. Он дал сатирически заостренные оценки как этой, так и других реформ Александра II в двух словах: «глуповское возрождение». Для него ясно, что путь из Глупова в Умнов лежит через Буянов, что без революции никакое подлинное

«Премудрый пискарь»

возрождение страны невозможно. Но крестьянская революция не разразилась, и перед С.-Щ. стал мучительный вопрос о том, как добраться до Буянова».

Нет, заподозрить второе «я» помещика Михаила Салтыкова в крайней злокозненности нельзя. Возможно, он надеялся обойтись малой кровью и был вполне искренним в своих заблуждениях. Хорошо при этом чувствовал конъюнктуру. Ему было присуще аристократическое — родовое! — стремление быть первым. Он просто-напросто хотел раньше других оказаться в той гавани, куда на всех парах устремлялся злосчастный корабль русской истории. И в этом преуспел, став на много десятилетий одним из самых почитаемых литераторов в рамках образовательной программы, выработанной потомками бомбометателей. Салтыков не убивал губернаторов, он всего лишь придумал Щедрина — того, кто не только использовал мятежную волну, но создавал и гнал ее. На гребне оной потомственный душевладелец ворвался в будущее и почти целый век пребывал в должности властителя душ и дум.

Родное слово

В. Малыгин. «Портрет Николая Рубцова». 1970

«Если только буду знаменит, то поеду в Ялту отдыхать»

Игорь Немчинов

«Мое слово верное прозвонит! / Буду я, наверное, знаменит! / Мне поставят памятник на селе! / Буду я и каменный навеселе!» — это предсказание в значительной мере исполнилось. Памятники, пусть и скромные внешне, Николаю Рубцову воздвигли не только «на селе», но и, к примеру, в Вологде, Мурманске... Его именем названы улицы, библиотеки, музеи, литературные центры, поэтические конкурсы.

НО МОЖНО ли с уверенностью сказать: на бескрайних русских просторах, которые он самозабвенно любил и душевно воспевал, его «слово верное» звенит в наши дни достаточно громко?

Вещие строки Николая Рубцова, ушедшего из жизни в ночь на 19 января 1971 года, то есть буквально в первые часы праздника Крещения Господня, приведены во множестве публикаций. Автор заглянул в самый жуткий и сокроуенный миг собственного будущего: «Я умру в крещенские морозы, / Я умру, когда трещат березы...» Все, кому его поэзия дорога, кто считает его одним из величайших русских стихотворцев, к данному пророчеству, несмотря на переизбыток цитируемости, станут возвращаться вновь и вновь.

В этом то ли лучшем из миров, то ли, наоборот (вопрос философский), его нет уже так давно, что предположение в духе «а ведь мог бы отпраздновать среди нас свое 80-летие» выглядит как-то нелепо, неестественно. Этот юбилей любители национальной литературы отметят 3 января. Будут читать его стихи, петь или слушать созданные на его слова песни, в который раз обсуждать перипетии короткой и очень непростой жизни (и, конечно же, обстоятельства трагической смерти), пытаться разгадать оставленные им — его судьбой и рукописями — загадки...

Хотя, по большому счету, ничего таинственного в биографии Рубцова нет. Если, конечно, вывести за скобки то невероятно точное, связанное с мрачным финалом предсказание. Земной путь автора хрестоматийного, всегда актуального призыва «Россия, Русь, храни себя, храни!» во всех возможных деталях описан его друзьями и близкими, знакомыми и просто поклонниками.

И даже чудовищная развязка жизненной драмы едва ли может считаться удивительной. Мно-

гие ли по-настоящему крупные русские поэты дожили до седин или хотя бы умерли естественной смертью? Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гумилев, Есенин, Маяковский... Список вполне уместно дополнить именами Блока и Хлебникова, Черного и Белого (в новейшие времена сюда добавился весьма талантливый, самобытный уральский поэт по фамилии Рыжий). Судьбы всех перечисленных настолько непохожи, что стремиться отыскать хоть какую-то «физическую» закономерность скоротечности их пребывания на этом свете — пустое дело. Оста-

**Рубцов знал себе
настоящую цену, тяготился
ролью второго плана,
ревниво следил
за громкими успехами тех,
кто регулярно выступал
на больших столичных
площадках**

ется лишь довольствоваться в рассуждениях чистой метафизикой, замечанием наподобие: что ж, судя по всему, Провидение настроено решительно против старости таких людей.

«Вот Есенин — на ветру! / Блок стоит чуть-чуть в тумане. / Словно лишний на пиру, / Скромно Хлебников шаманит... / Неужели в свой черед / Надо мною смерть нависнет, — / Голова, как спелый плод, / Отлетит от веток жизни?»

К теме преждевременного ухода из жизни духовных собратьев Николай Рубцов возвращался не однажды, особо выделяя среди них, понятное дело, Сергея Есенина: «Да, недолго глядел он на Русь / Голубыми глазами поэта. / Но была ли кабацкая грусть? / Грусть, конечно, была... Да не эта! / Это муза не прошлого дня. / С ней люблю, негодую и плачу. / Много

значит она для меня, / Если сам я хоть что-нибудь значу».

Ему, довольно рано осознавшему себя в качестве главного преемника «кабацкого поэта», есенинская грусть действительно была понятна, как никому другому. Природа и выражение этого чувства многослойны. Тут и слегка завуалированная эвфемизмами да экивоками (а куда деваться «с подводной лодки») лютающая печаль по старой, патриархальной, а точнее, исконной Руси, которую при Есенине варварски рушили, а при Рубцове — стараниями Никиты Хрущева — безжалостно добивали. И сильнейшая тревога за будущее Родины: «Они (интервенты. — «Свой») несут на флагах черный крест, / Они крестами небо закрестили, / И не леса мне видятся окрест, / А лес крестов в окрестностях России...» (В наши дни, заметим в скобках, отождествление иноземных захватчиков с крестоносцами уже неактуально, теперешние лидеры расхристанного Запада ни черный, ни какой иной крест на флагах не несут.) И тот самый «кабацкий», разгульно-пьяный мотив отчетливо слышится. Он хоть и опровергается в строчках, посвященных славному предшественнику, зато в других рубцовских сочинениях звучит чересчур громко, заглушая порой все остальные: «Быть может, я для вас в гробу мерцаю, / но должен я сказать в конце концов: / я — Николай Михайлович Рубцов — / возможность трезвой жизни отрицаю...»

Но главное здесь — сходство психотипов. И у Есенина, и десятилетиями позже у Рубцова очевидцы отмечали нередкие случаи «странного поведения» — то удивительную, сомнамбулическую замкнутость, то приступы внезапной агрессии, резко выплескивающейся вовне, то иные выходящие за рамки социальных норм манифестации. В этом тоже нет ничего необычного — когда речь заходит

РОДНОЕ СЛОВО

о поэтах, тем более русских поэтах.

Не так давно у нас был модным термин «внутренняя эмиграция», означающий отстраненность от жизни общества, глубокое погружение в свой внутренний мир. Для многих творчески одаренных личностей такое существование на территории муз и грез, сонма духов (ангелов ли, демонов — кто их разберет), наперебой поучающих, наставляющих, шепчущих нужные слова и ритмы, — и не эмиграция вовсе, но привычное, основное бытие. И когда про кого-то говорят, что он не от мира сего, имеют в виду чаще всего как раз человека, похожего на Николая Михайловича.

Пребывание в суетном мире людей для подобных индивидов — зачастую обременительная обязанность, необходимость играть роли, предписанные общественным укладом и законами. А также — возможность выпить (увы), закусить, предаться некоторым утехам, получить очередную порцию похвал, лестных отзывов (и нет ничего страшнее отсутствия таковых!), запастись свежими, нужными для творчества впечатлениями. Алкоголь же в этой системе координат — испытанное средство коммуникации, незаменимый помощник в тех случаях, когда общаться на понятном для всех языке становится трудно. Со временем накапливаемое в организме вещество превращается в сильнейший яд, расшатывает и без того хрупкую нервную систему, травмирует психику, наносит колоссальный ущерб всем внутренним органам, включая сердце...

Можно ли в истории с великим стихотворцем обойтись без примитивных, прозаичных отсылок к медицине? Можно, но тогда закономерно продолжатся в прессе, интернете, на разных чтениях и слушаниях жаркие, беспредметные дискуссии о «загадках», свя-

А. Хвастунова. «Рубцов, я уеду из этой деревни». 2012

занных с судьбой поэта. Например, его невольную убийцу, странную женщину, возомнившую себя как минимум второй Ахматовой, любители конспирологических версий не перестанут обвинять в том, что в ночь на 19 января 1971 года она выполняла заказ не то КГБ, не то Моссада, не то обеих служб сразу, а не служила слепым орудием безжалостного рока...

Правда же в том, что со спутницей последних лет Рубцову действительно не повезло. Таким, как он, крайне беспокойным детям, требуются в жены добрейшие, са-

моотверженные няньки, всегда готовые и назревающий конфликт погасить, и огуречного рассолу наутро подать. В идеале — методично, целенаправленно перепробовать все сколько-нибудь доступные средства борьбы с пагубным пристрастием.

Как бы там ни было, подлинная красота рубцовской поэзии проявилась вовсе не в молодецких бравадах в стиле «я после первой не закусываю» и не в философствовании вокруг максимы Memento mori, а в неподражаемой, редкостно светлой (ключевое

слово) лирике: «В горнице моей
светло. / Это от ночной звезды. /
Матушка возьмет ведро, / Молча
принесет воды... // Красные цветы
мои / В садике завяли все. / Лодка
на речной мели / Скоро догниет
совсем. // Дремлет на стене моей
/ Ивы кружевная тень. / Завтра у
меня под ней / Будет хлопотливый
день! // Буду поливать цветы,
/ Думать о своей судьбе, / Буду до
ночной звезды / Лодку мастерить
себе...»

«То желтый куст, / То лодка кверху
днищем, / То колесо тележное /
В грязи... / Меж лопухов — / Его,
наверно, ищут — / Сидит малыш,
/ Щенок скулит вблизи. // Скулит
щенок / И все ползет к ребенку, / А
тот забыл, / Наверное, о нем, — / К
ромашке тянет / Слабую ручонку /
И говорит... / Бог ведает, о чем!.. //
Какой покой! / Здесь разве только
осень / Над ледоносной / Мечется
рекой, / Но крепче сон, / Когда в

ночи глухой / Со всех сторон / Шумят
вершины сосен, // Когда привично /
Слышатся в чеху / Осин тоскливых /
Стоны и молитвы, — / В такую глушь /
Вернувшись после битвы, / Какой солдат /
Не уронил слезу? // Случайный гость,
/ Я здесь ищу жилище / И вот пою /
Про уголок Руси, / Где желтый куст, /
И лодка кверху днищем, / И колесо, /
Забытое в грязи...»

Этого автора чрезвычайно сложно
цитировать отдельными строками,
если дело касается фраз, выходящих
за рамки рубцовского эго. Лучшие его
сборники надо, желательно не отрываясь,
читать от начала и до конца, чтобы
правильнее оценить свойства этих
творений.

Его беда была еще и в непризнанности.
Точнее — в недостаточном признании
со стороны современников. Да, его
высоко ценили некоторые известные и бо-

лее удачливые (в бытовом плане)
братья по ремеслу, литературные
критики, у него имелся свой круг
верных читателей-почитателей.
Но этого, конечно же, было мало.
Как всякий крупный поэт, он знал
себе настоящую цену, тяготился
ролью второго плана в отечественной
литературе, ревниво следил за
громкими успехами тех, кто
регулярно выступал на больших
столичных площадках, в огромных
концертных залах.

Тогда он оказался все-таки вне
мейнстрима, тем более — вне
авангардных, модных течений.
Как это ни парадоксально, мы в
XXI веке слышаны о нем значительно
больше, нежели граждане СССР
1960-х. Однако положенного ему
места в классической русской
литературе Николай Рубцов не занял
до сих пор. И такую несправедливость
не мешало бы исправить.

В. Попов. «Двойни». 2005

Игорь Шайтанов,
критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор

Трагически ушедший из жизни в январе 1971 года Николай Рубцов стал одной из центральных фигур современной русской литературы. Его поэзия озвучила переживания многих, стала их голосом.

Его называли поэтом «долгожданным» (Глеб Горбовский), почитали главой органической поэзии, противостоящей творчеству «книжному», видели в нем стихийного выразителя языка и духа. Конечно, все эти определения — в той или иной мере метафоры, художественные формулировки, не претендующие на историческую точность. Но в них есть нечто угадывающее — из того, что носится в воздухе эпохи. Действительно ли Рубцов долгожданный? Хорошо помню, как после невесты стадионного успеха Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко и наступившего вдруг затишья ждали нового Пушкина — и появился Рубцов. Он не сыграл вполне эту роль. Но для многих стал тем, кто заполнил стихами душевный вакуум «вдали от шума городского». Что же до противопоставления органического «книжному» — те, кто это делал, едва ли были столь наивными, чтобы думать, будто Рубцов за-

пел, как птичка Божия. Просто его спешили определить в ряд самых великих, привычно ранжируя при этом знаменитых предшественников. Пушкин — первый, а кто второй? Есенин, Блок?

А может быть, Тютчев? Тогда, в 70-е годы, на выходе из эпохи поэтического бума, имя последнего звучало с особым пиететом. Долго считавшийся второстепенным, поздно завоевавший известность, он оказался близок прежде всего тем, кто научился ценить глубину и зрелость. «Что остается? Поздний Тютчев?» — воскликнул как-то Давид Самойлов. «Поздний» — это не хронологическая помета. Весь Тютчев — поздний, глубокий, несуетный... Напомню, что им до тридцати был написан «Silentium». Для русской поэзии узнаваемый тютчевский образ — человек перед лицом мироздания. Один на один. Диалог души и вселенной, коим все больше грозит взаимное непонимание.

Каждый выбирает традицию согласно собственным вкусам, но входит в нее настолько, насколько позволяют силы, хватает таланта. Один выдернет несколько цитат, другой подслушает интонацию, запомнит прием. Право на принадлежность дается не всяким сходством. Ведь для обозначения последнего есть и другие слова: эпигонство, подражание, стилизация. Традиция продолжается не в совпадении решений, философских или художественных, а в тождестве вопросов, осознанных в своей насущности, возможно, подсказанных опытом прошлого, который притягивает к себе. Но и отталкивает, побуждая к опровержению.

Разумеется, Рубцова и Тютчева невозможно померить — ни славой, ни достоинством. Однако,

помимо всякой мистики, Рубцов многие годы пронесил в кармане его сборник малого формата — дореволюционное издание (теперь оно в музее, в деревне Никола в Вологодчине). Тютчева он знал блестяще — памятью поэта. Когда я об этом написал лет тридцать назад, меня упрекали: что же вы сравниваете? А я действительно сравнивал, но не уравнивал. Слышать голос великого предшественника, идти на этот зов — залог собственной поэтической значительности и принадлежности. Не сомневаюсь, что Рубцов слышал многие голоса и отзывался на них.

Особенно люблю не те его строки, где возникает торжественная нота и возносится голос, но те, где традиция высокой русской поэзии звучит посреди «глухой природы», где взгляд — после тютчевского зачина — переводится на ближнее: «Одна у нас в деревне мглыстой / Соседка древняя жива, / И на лице ее землистом / Растет какая-то трава...» или «Когда, смеясь на дворике глухом, / Встречают солнце взрослые и дети, — / Воспрянув духом, выбегу на холм / И все увижу в самом лучшем свете». У Рубцова удивительно то, что он, вобрав, а вернее, прожив эту «примитивную» жизнь деревни, смог блистательно соединить простое с высоким, бытовое-земное с небесным.

Думаю, Николай Рубцов все-таки занял свое место — в сердцах читателей. Что же касается литературного ранжира, то, наверное, некоторые предрассудки не вполне преодолены. Здесь столкнулись два вектора: один на повышение — «современный Пушкин», второй, — наоборот — «эпигон Есенина». Крайности взаимно уничтожаются, а истинное достоинство поэта остается.

Не улыбнется даже, ну и пусть

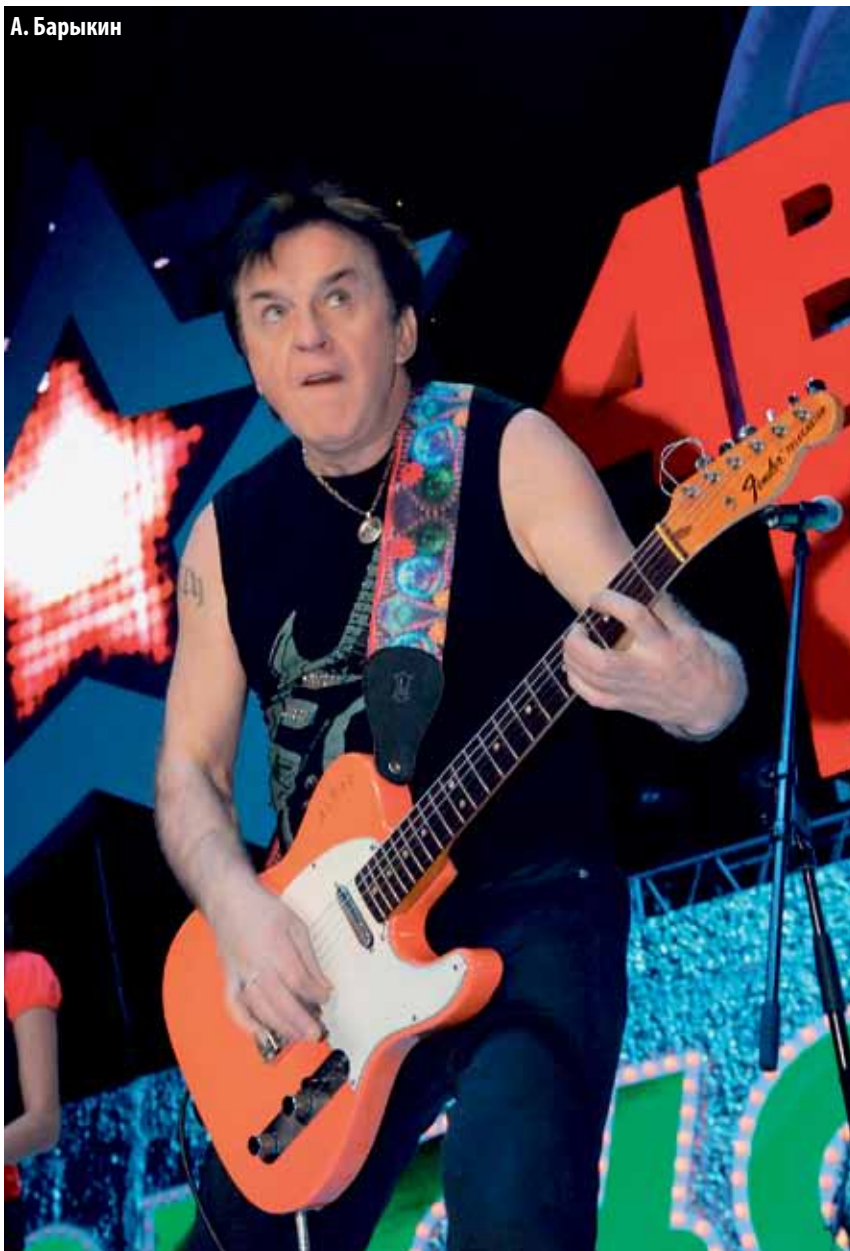
В отечественной музыкальной истории немало ушедших в народ песен, написанных на основе произведений литературных классиков. Вспомним замечательный романс «На заре ты ее не буди» на стихи Афанасия Фета, «Зацелована, околдована» Николая Заболоцкого, «Уж сколько их упало в эту бездну» Марины Цветаевой, «Казачью колыбельную» Михаила Лермонтова. О блистательном есенинском цикле Григория Пономаренко («Отговорила роща золотая», «Над окошком месяц», «Не жалею, не зову, не плачу») и упоминать излишне — все эти композиции у нас на слуху.

Однако славная традиция канула в Лету. Созданная почти тридцать лет назад Александром Барыкиным песня «Букет» является последним на сегодняшний день образцом удачного синтеза поп-музыки и хрестоматийной лирики.

История одной песни

А. Барыкин

Денис Бочаров

ПЕРВЫЙ вариант стихотворения, сочиненного Николаем Рубцовым и ставшего в окончательной редакции «Букетом», назывался «Желание». Ни о каком велосипеде, который лирический герой долго гнал в глухие луга, изначально речь не шла, первые строчки звучали так:

*Мне очень больно, но обиды нет
И унывать себе я не велю.*

*Нарву цветов и подарю букет
Той девушке, которую люблю.*

Конечно, далеко не всегда у знаменитого лироэпического произведения есть конкретный адресат. Как правило (и в этом порой признаются сами творцы), стихи создаются по наитию, автор рисует в воображении некоего выдуманно-

го персонажа, предоставляя слушателю шанс дополнить общую картину новыми красками — кому как заблагорассудится. Однако в данном случае, похоже, мы имеем дело с конкретной музой. С Таисией Смирновой девятнадцатилетний Николай познакомился в 1955 году в поселке Приютино под Ленинградом, где работал слесарем. Вскоре молодой поэт был призван на Северный флот. Находясь на эсминце «Острый», в течение нескольких лет переписывался с «девушкой, которую любил», обменивался открытками, фотографиями. Весной 58-го ему предоставили пятидесятидневный отпуск, в течение которого старший матрос Рубцов реально «матросил»: разъезжая по городам и весям, заводил романы с юными прелестницами. Наведался он и в Приютино, к своей давней знакомой, Тае. Однако судьбе не было угодно свести их вновь: отношения не сложились. Позднее, в письме исследователю жизни поэта Леониду Вересову Смирнова объясняла обстоятельства той истории весьма прозаически: «В 1958 году Николай приехал, но я дала ему понять, чтобы он не надеялся на будущее. Ведь у нас с ним ничего нет, если только сбежать и жить в шалаше».

Прагматичный подход девушки понять — тем более в наши дни — легко: Рубцов, хоть был талантлив и по-своему харизматичен, все же не внушал «уверенности в завтрашнем дне», не являлся тем, за которым «как за каменной стеной». По сути, бедовый, неприкаянный человек. История его недолгой жизни это красноречиво иллюстрирует.

Как бы то ни было, отказ дамы сердца сильно ранил моряка и, разумеется, ударил по его самолюбию. Образ Таи Смирновой еще долго не отпускал Рубцова, ей он

посвятил не одно стихотворение. Что же касается «Желания» («Букета»), то обессмертивший поэта опус был впервые опубликован в мурманской газете «Комсомолец Заполярья» в августе 1958-го.

Впрочем, «обессмертивший» — громко сказано. Откровенно говоря, наших соотечественников, хорошо знакомых с творчеством уроженца Вологодчины, в 1980-е было совсем немного. Это сегодня Рубцова периодически называют «Есениным второй половины XX века», но не стоит забывать, что за популяризацию поэта мы, в известной мере, должны быть благодарны Александру Барыкину.

К моменту написания «Букета» он подошел уже состоявшимся артистом. За плечами была работа в нескольких ВИА (в частности, «Самоцветах» и «Веселых ребятах»), сотрудничество с Давидом Тухмановым (в знаменитом проекте композитора «По волне моей памяти» Барыкин исполнил песню «Приглашение к путешествию» на стихи Шарля Бодлера), а также участие в рок-группе «Карнавал». То есть послужной список впечатлял, что и говорить... Это с одной стороны.

С другой, широкой публике его имя было практически неизвестно. Впервые певец по-настоящему громко выстрелил на новогоднем

«огоньке» 1986 года с шуточной композицией Игоря Николаева «Программа телепередач на завтра» (мы до сих пор веселимся, слыша исполненный «буратиныстым» голосом рефрен «Нет-нет-нет, мы хотим сегодня, нет-нет-нет, мы хотим сейчас», а также псевдохармсовскую интермиссию: «Товарищи! По техническим причинам телепрограмма телепередач на завтра переносится на завтра»).

Но все это были цветочки по сравнению со всесоюзным успехом, который годом позже принесла песня, написанная на стихи Николая Рубцова. Почему же именно он так очаровал рок-исполнителя? Вот как об этом вспоминал сам музыкант: «Я тогда читал очень много стихов — Брюсова, Цветаеву, Мандельштама, Есенина... И как-то в магазине случайно увидел сборник «Подорожники» Николая Рубцова. А я вообще не знал, кто это такой. Но купил. Стал читать, и мне все очень понравилось. А когда наткнулся на стихотворение «Букет», сразу понял — это готовая песня. Дома, на кухне, минут за пятнадцать написал музыку. Подумал: «Надо ее быстрее записать и отдать на радио, а то кто-нибудь меня опередит». Уверен — если бы не подсуетился, на эти стихи обязательно кто-нибудь другой написал бы песню».

Барыкин «подсуетился» вовремя: «Букет» стал хитом, подарил автору музыки звание лауреата «Песни года», выпущенный фирмой «Мелодия» лонгплей раскупился мгновенно. По сей день надрывная история о безответной любви почти ежедневно звучит на многих радиостанциях.

Но эта же самая вещь принесла Барыкину и главную головную боль всей его творческой жизни. Дело в том, что артист видел себя прежде всего рок-музыкантом. С годами ассоциирование его с поп-лагерем (как ни крути, «Букет» — это классическая эстрадная композиция) стало тяготить. Первоначальное благоухание постепенно превращалось в назойливый шлейф. Вернуть себе славу рок-идола Барыкину, невзирая на предпринимаемые на протяжении двадцати с лишним лет отчаянные попытки, было уже не суждено. Музыкант буквально возненавидел собственный шедевр. Порой в отчаянии говорил, что написал попсовую вещь исключительно из меркантильных соображений: мол, надо же на что-то кормить семью...

В общем, не исключено, что основной хит жизни стал и первым букетом на могилу этого преждевременно ушедшего талантливого артиста.

Служу России

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Кадр из фильма «Щит и меч», 1968

У вас продается славянский шкаф?

Владимир Перекрест

Если бы среди разведчиков проводился конкурс, подробности чьей биографии нашли наибольшее отражение в отечественном кинематографе, победил бы, пожалуй, Александр Святогоров. Увы, имя этого человека известно не столь широко, как его подвиги. А ведь трилогия о «Сатурне», «Подвиг разведчика», знаменитый «Щит и меч», посмотрев который сделал выбор профессии юный Путин, — это в том числе и о нем, легендарном советском диверсанте и нелегале.

В 1947 году на экраны вышел фильм «Подвиг разведчика». Считается, что прототипом главного героя, великолепно сыгранного актером Павлом Кадочниковым, был наш разведчик Николай Кузнецов. На самом деле — основным, но не единственным. Образ получился собирательным.

Картина снималась на Киевской киностудии, и создатели уговорили руководство украинской госбезопасности дать им в консультанты действующего сотрудника. Выбор пал на Александра Святогорова. Излишне упоминать, что в титрах его имя не значилось. Но именно он поведал сценаристам некоторые детали, которыми, увы, не мог поделиться сам Кузнецов, погибший в марте 1944-го.

Например, знаменитые пароль и отзыв: «У вас продается славянский шкаф? — Шкаф продан, могу предложить никелированную кровать с тумбочкой». Этот звучный диалог, живущий уже более полувека отдельной от фильма жизнью, казался удачной выдумкой сценаристов, едва ли не пародией, образцом этакого «шпионского юмора», которым был пронизан фильм. Но, оказывается, никакой выдумки — чистая правда. Именно такими фразами обменивались разведчик Александр Святогоров и подпольщик Поживилов. Только было это не на Западной Украине, как в фильме, а в оккупированном немцами Киеве. Подпольщик погибнет в застенках гестапо, не выдав товарищей, а дочь его спустя годы станет Святогорову невесткой, женой сына Леонида. Вот такой зигзаг судьбы.

Сцены похищения нашим разведчиком фашистского генерала воссозданы Святогоровым по мотивам некоторых собственных акций. Например, в Польше его группе удалось выкрасть личного представителя шефа германской военной разведки адмирала Канариса Вальтера Файленгауэра. Который, кстати, прибыл для проведения знаменитой операции абвера «Сатурн» — заброски в советский тыл диверсионных групп. На допросе он рассказал о засланных агентах — вскоре они были обезврежены. Спустя четверть века полковник Святогоров станет консультантом популярной шпионской кинотрилогии — «Путь в «Сатурн», «Конец «Сатурна» и «Бой после победы».

Но это потом. А тогда, в 1947-м, для страны — второй год после победы, для него — в самом разгаре спецоперации против бандеровцев. Уже не война, но еще не мир. «Подвиг разведчика» нравился ему своей лихостью и знакомыми деталями. Был у него киноаппарат, привезенный из Словакии, где Святогоров работал после войны под дипломатическим прикрытием, раздобыл на студии пленку. И, как вспоминает сын, дома частенько вешали простыню на стену и с удовольствием «крутили кино» в кругу семьи и соседей, которые знать не знали о шпионском подтексте этого вечернего сеанса.

В разведку Александр Святогоров попал случайно. Работал инженером на Запорожском огнеупорном заводе, был передовиком производства, выдвигал рацпредложения, дорос до начальника цеха. И вдруг однажды, это было в конце 1939 года, перспективного 26-летнего специалиста пригласили поработать в НКВД.

С самого начала чекистской карьеры Святогорову повезло — честному и принципиальному сотруднику доверили заниматься пересмотром дел времен «ежовщины», восстанавливать добрые имена необоснованно репрессированных.

Харьков в годы оккупации гитлеровцами

В начале войны группу чекистов, куда входил и наш герой, оставили в Запорожье, чтобы взорвать находившиеся в городе крупные промышленные объекты. Заминировали, ждали сигнала. Один из сотрудников, опасаясь, что не успеет выполнить приказ, когда войдут немцы, заранее дал команду взорвать алюминиевый завод. А немцы не вошли — их на полтора месяца задержали на подступах к городу. Остальные предприятия разминировали и эвакуировали на восток. Бедолага поседел в ожидании расстрела. Урок: не суетись. Не расстреляли.

А потом — диверсии в немецких тылах. Самая известная и также воплощенная в кинематографе — ликвидация военного коменданта Харькова генерала Георга фон Брауна, двоюродного брата конструктора «Фау» и будущего основоположника ракетно-космической отрасли США Вернера фон Брауна. Комендант поселился в особняке, в котором до войны жил первый секретарь ЦК Компартии Украины Никита Хрущев. Еще не зная этого, но предполагая, что в таких хоромах поселят важную немецкую птицу, советские войска, отступая, заминировали здание. Сделали хитро. Один фугас, так называемую

«блесну» установили так, что ее можно было обнаружить — немецкие саперы на этом успокоились. Опасность представляла 500-килограммовая фугасная авиабомба, зарытая на глубине трех метров. Ее не нашли. И в момент, указанный Святогоровым, с помощью мощного радиоимпульса ее привел в действие из Воронежа (!) ас подрывного дела Илья Старинов. Комендант и два десятка офицеров были уничтожены.

А теперь — «Щит и меч». Разведшкола, куда проник Иоганн Вайс, действительно существовала — под Люблином, в Польше. В том же районе действовал и партизанский отряд, к которому был прикомандирован Святогоров. Заметили партизаны, что почти все, что они собираются делать, становилось известно немцам. Сумели вычислить гестаповского агента. Но Святогоров решил сыграть на «тоненького». Убедил товарищей не расстреливать разоблаченного и... перевербовал. А потом с его помощью внедрил в школу своих людей. Один из них уговорил курсантов и преподавателей сняться всем вместе «на память» — потом этот снимок был переправлен в СМЕРШ и здорово помог в поимке диверсантов.

После войны Святогоров обеспечивал внедрение агентуры в

украинские националистические центры в Мюнхене. По некоторым сведениям, ему даже собирались дать задание ликвидировать Александра Керенского, активно контактировавшего с послевоенными эмигрантами. Но вскоре стало ясно, что вреда от бывшего главы Временного правительства ноль (в оперативных донесениях он даже проходил под кличкой «Клоун»), покушение отменили. А вот приговор в отношении лидера украинских националистов Степана Бандеры, вынесенный заочно в 1949 году, ждал исполнения 10 лет.

— Операцией в целом руководили из Москвы, а Александр Пантелеймонович был куратором Богдана Сташинского, непосредственно ликвидировавшего Бандеру, а двумя годами ранее — идеолога ОУН Льва Ребета, — рассказал мне при личной встрече ветеран Внешней разведки, историк спецслужб, писатель Георгий Санников, хорошо знавший Святогорова по совместной работе.

В октябре 1959-го Сташинский подкараулил Бандеру около его мюнхенской квартиры и выстрелил ему в лицо ампулой цианистого калия из специальной трубки, завернутой в газету. Для медиков все выглядело, будто украинский сподвижник Гитлера принял яд: во рту мелкие осколки стекла, изо рта — характерный запах миндаля, причина смерти — паралич сердца. Полиция, правда, засомневалась и предположила, что жертве залили яд насильно, но где же тогда следы борьбы — их не было.

Так бы все и осталось шитокрыто (как в истории с Ребетом, ликвидированным по тому же сценарию), если бы Сташинский не влюбился в немку из ГДР Ингу Польш. Разведка выяснила, что девушка придерживается ярых антисоветских взглядов, а характер у нее был посильнее, чем у нашего агента: в их союзе она была лидером, а не он. Его всячески отговаривали от женитьбы, но он уперся.

А. Керенский

Александр Святогоров курировал операцию по устранению кумира нынешних украинских националистов Степана Бандеры. Первоначально запланированную ликвидацию Александра Керенского в руководстве КГБ сочли излишней

С. Бандера

Разведчика трижды представляли к званию Героя. Первый раз — в конце войны. Затем в начале 90-х. В третий — героя Украины. Но с новой властью Святогоров не дружил, майданов не поддерживал

И даже настоял, чтобы ему разрешили выехать к жене в Берлин, успокаивая начальство, что, мол, на качество работы это не повлияет. Святогоров, хорошо знавший Сташинского, сомневался в его искренности и предупредил руководство восточно-германской резидентуры КГБ о возможной измене.

Увы, интуиция его не подвела. Сташинский с женой через Западный Берлин сбежали в ФРГ, где агент раскололся по полной. Возможно, к этому его подтолкнула смерть новорожденной дочери. Скандал разошелся по миру. Влетело всем, кто имел отношение к этой операции, включая и Святогорова. А его-то за что, он же предупреждал. Да, предупреждал, но только устно, а разговор к делу не пришьешь. Это была его последняя крупная операция. Святогорову приказали вернуться в СССР и тут же уволили из КГБ. Правда, позже восстановили, но об участии в заданиях особой важности пришлось забыть — это стало его глубочайшей личной трагедией.

Легендарного разведчика трижды представляли к званию Героя. Первый раз — в конце войны. Не срослось. Затем в начале 90-х, но тут Союз развалился. В третий — героя Украины. Но с новой властью Святогоров не дружил, майданов не поддерживал, и представление заиграли. Так и умер героем без звезды 22 июня 2008 года, на 95-м году.

Хоронили его в Киеве на Байковом кладбище — рядом с супругой. После ружейного залпа музыканты грянули «Ще не вмерла Украина». Святогоров оценил бы горький юмор ситуации. Развал Советского Союза он не одобрял, независимому Киеву не присягал, антироссийских выпадов не делал — а на его могиле играют государственный гимн страны, избравшей своим знаменем гитлеровского пособника Бандеру. К ликвидации которого приложил руку сам покойный.

Стоп-кадр

«Майские звезды», 1959

Парень из нашего города

ФОТО: ИТАР-ТАСС / КИНОСТУДИЯ ИМ. М. ГОРЬКОГО И КИНОСТУДИЯ «БАРАНДОВ»

Алексей Коленский

«Наверное, в самой природе моей — и актерской, и человеческой — заложена склонность к активному и стремительному действию, к труду до пота и схватке до крови. Как бы ни звали моего героя, одетого в шинель и сапоги, какой бы судьбой ни наделяли его авторы картины, я неизменно пытался сыграть простого русского солдата. Бесстрашного и скромного, находчивого и бесконечно терпеливого к любым житейским тяготам, упорного в достижении своей цели и верного своему долгу перед Отечеством. Такого, каких мы с детства встречаем в народных сказках», — признавался актер Николай Крючков, чья жизнь действительно во многом походила на сказку про солдата-ухаря. 6 января исполняется 105 лет со дня его рождения.

БУДУЩИЙ кумир миллионов родился в подвале Покровских казарм на Красной Пресне. Мать спускалась за квашеной капустой да оступилась — так и явился на свет семимесячный Коля. В 1914-м отец ушел на войну, был ранен. Вернувшись, устроился грузчиком на Трехгорную мануфактуру, надорвался и умер. Из восьми детей Афанасия выжили двое, мать отправила дистрофиков подкормиться в деревню. Пережив голод и тиф, обзаведясь не самой благозвучной кличкой из-за клонившейся набок головы, Колька Кривой окончил семилетку и ФЗУ, стал «ситцевым аристократом» — гравером-накатчиком, кормильцем семьи. Ни минуты не сидел без дела: слесарничал, столлярничал, обучался верховой езде у расквартированных неподалеку кавалеристов, собрал из бог знает откуда взявшихся деталей мотоцикл. Подружившись с гармонью и чечеткой, зажигал в драмкружке. Восемнадцати лет поступил в открывшуюся театральную школу при знаменитом ТРАМе.

Вдохновленные примером ленинградских товарищей молодые мхатовцы — бывшие «белые офицеры» из «Дней Турбиных» — основали Театр рабочей молодежи (с 1938-го — Ленинского комсомола). Там-то, под присмотром Николая Хмелева, завлитчастью ТРАМа Михаила Булгакова, знаменитой балерины и хореографа Натальи Глан, а также преподававшей биомеханику дочери Всеволода Мейерхольда Ирины Хольд и состоялся профессиональный дебют фабричного паренька. Голова Кольки Кривого как-то незаметно встала на место, а однажды на спектакль заглянул кинорежиссер Борис Барнет, и судьба артиста была решена.

Легендарную «Окраину» снимали на родной Красной Пресне. Дебютант просто не мог позволить себе оплошать. Сцену ухаживания за дамой с собачкой напористый сапожник Сенька разыграл с бли-

стательным куражом. Приобняв «сдавшуюся крепость», обернулся, сверкнул белозубой акульей лыбой и подмигнул в объектив. Эта немислимая для 33-го года сексуальная вольность подкупила всех. Явившегося на премьеру с парой удочек и запорошенной песком шевелюрой Крючкова едва пустили в «Ударник». Наутро он проснулся первым парнем на экране.

В следующем барнетовском шедевре «У самого синего моря», влюбившись в зазную друга Юсуфа, лучезарный каспийский рыбак Алеша уступает ему прекрасную Марию. Оставаясь третьим, да не лишним. Барнетовская буколика — это бескрайняя, счастливая эмоция, разыгранная блестящим трио в той чарующей приморской степи, где и дружба, и любовь обретают абсолютную взаимность.

Но Крючков и здесь умудрился стать первым: рукастый паренек предъявил физиогномику как главный козырь и покорила страну твердым взором, ослепительной улыбкой и фирменной хрипотцой, не уступив ни пяди экрана Льву Свердлину. После «распахнутым» лицом воспользовались Любовь Орлова и Сергей Столяров. Но настоящим другом народа остался ухарь с рабочей окраины, охочий до всяческой «биомеханики»: «Мои последующие занятия боксом, борьбой, поднятием тяжестей, пулевой стрельбой и многими другими видами спорта были в известной степени «срежиссированы» еще Борисом Барнетом», — скромно признавался актер.

Красного командира Крючков должен был сыграть в дебютном советском истерне «Тринадцать» Михаила Ромма, но судьба (а может, большая история) распорядилась иначе. Картина про затерянных в песках «самураев» была и впрямь не про него. Обедню Ромму испортил Барнет, явившийся забирать со съемок жену. Елена Кузьмина решила остаться и вскоре вышла за будущего кумира интеллигент-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: АЛЕКСАНДР ЧУМИЧЕВ/ТАСС

«Небесный тихоход». 1946

ции, а Крючков плюнул на съемки и смылся с другом в Москву. Мог себе позволить: в наступающем 37-м самый востребованный артист СССР снялся в шести характерных ролях. Год спустя примерил гимнастерку в фильме о бдительном коменданте таежной погранзаставы. А в 39-м сыграл главную роль своей жизни. Временно демобилизованный старшина, пырьевский тракторист Клим Ярко — не только удалец и ударник. Азартный, свойский, находчивый бригадир становится лидером богатырской тройки, мобилизует на трудовой подвиг кол-

хозного тугодума (Борис Андреев) и прибалтненного попутчика (Петр Алейников). А затем гонит стальные машины в ту степь, где все тревожнее полахают зарницы.

Герой Крючкова становится первым эталонным офицером советского экрана — дефицитным звеном Красной Армии, о котором грустно вздыхали бойцы «генералиссимуса» Чапаева, глядя на марширующих каппелевцев: «Красиво идут!».

Иван Пырьев был первым режиссером, показавшим генезис советского общества как живой творче-

ский процесс, осуществлявшийся в толще народной жизни. Выход энергии был запредельным — троица подружившихся артистов куролесила так, что звон долетал до самой Москвы. Парни соревновались, кто кого перепьет. Опрокинув десять стопок подряд, Крючков закрыл тему. «Броня крепка, и танки наши быстры», «Три танкиста, три веселых друга» стали застольными хитами, а Крючков, Ладынина и режиссер — лауреатами Сталинских премий.

Между тем второпланные роли ему, состоявшемуся корифею, любимцу публики ничуть не претили: толковал ли ленинские декреты («Человек с ружьем»), бунтовал ли в образе Хлопуши («Салават Юлаев»). Или вероломно уводил Свинаруку у Пастуха. Хотя по поводу последней работы приятель Василий Сталин негодовал: негоже, мол, советскому герою сниматься в роли сельского афериста...

С первых дней Великой Отечественной Крючков просился на фронт. «Снимаясь в кино, вы принесете Родине не меньше пользы», — отрезал военком. Но ощущение, что парень из нашего города воюет где-то рядом, не покидало фронтовиков. И он горел на работе: выступал в концертах фронтовых бригад, снялся в десяти картинах. Во время съемок «Парня...» загремел в госпиталь от истощения, летал на «кукурузнике», играл на баяне, пел, плясал, ломал руки и ноги двенадцать раз, обжигал глаза, потерял зубы, заработал ревматизм...

Но оставался в строю и в 50-х. В чем же секрет его востребованности? «Дело в том, что от него всегда, с юных лет, исходило ощущение особой надежности. Наше кино остро нуждалось в таком исполнителе, в таком характере, в таком герое. Таким обаятельным, с душой нараспашку, сметливым и смелым, способном поднимать людей в атаку и на трудовой подвиг», — говорил режиссер Григорий Чухрай.

Из послевоенных картин Николая Крючков особенно дорожил «Звездой», «Максимкой» и «Гусарской балладой». Новые горизонты раскрыл спектакль «Бедность не порок» по пьесе Островского, поставленный в Театре-студии Киноактера: «Это, скажем прямо, один из немногих удавшихся положительных героев Островского. Нищий бродяга, обиженный судьбой правдолюбец. Тут столько красок, что играть — одно удовольствие... С этой театральной роли открылось мое второе дыхание в кино. Я лично считаю, что и комиссар из «Сорок первого», и начальник автобазы из «Дела Румянцева», и даже вот Семен Тетерин («Суд» Скуйбина — «Свой») — все они в какой-то мере от него пошли. Любим Торцов оказался для меня как бы разведкой в глубь человека... В фильме Хейфица — «День счастья» — у меня была очень интересная роль — старый портной, с таким колоритным одесским говорком». Побывав юродивым, Крючков совершил паломничество на темную сторону. Его лучшие послевоенные роли — отнюдь не героические. Обратными начальнички с подпольной моралью «Не мы такие — жизнь такая»: зававтобазой Корольков в «Деле Румянцева» Хейфица, начальник угрозыска из «Жестокости» Скуйбина... И простые, совестливые мужики, на которых стоит мир: дядя Коля из «Осеннего марафона» Данелии, таксист в «Горожанах» Рогового, дед-одиночка в «Когда наступает сентябрь» Кеосаяна — честные ветераны, видящие человека насквозь, как рентген.

Николай Афанасьевич Крючков снялся более чем в 120 фильмах. Свою популярность объяснял с подкупающей простотой: «Вопрос, каким должен быть советский человек, наш современник, стал для артиста Крюčkова самым главным во всей дальнейшей жизни на экране, стержнем многих кинематографических образов. Стал вопросом всей жизни».

«Максимка», 1953

СТОП-КАДР

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Море студеное», 1955

ФОТО: ИТАР-ТАСС/КИНОСТУДИЯ ИМ. М. ГОРЬКОГО

«Горожана», 1976

ФОТО: АЛЕКСАНДР КОНЫКОВ/ФОТОХРОНИКА ТАСС

Трапезная

Меню от Собакевича

Максим Сырников

Помните прекрасное: «Возьмите барана... бараний бок с кашей!.. — Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел все, обгрыз, обсосал до последней косточки...»?

В РУССКОЙ классике на сей счет можно найти и другие упоминания, к примеру, следующее: «Уже я начинал мечтать о щах и бараньем боке с кашей, ожидавших меня в лагере, когда пришло известие, что генерал приказал построить на речке редут и оставить в нем до завтра третий батальон». Это уже Лев Толстой, «Рубка леса. Рассказ юнкера».

Бараний бок — реберная часть туши, попросту говоря, ребрышки с мясом. Которые обладают великолепным вкусом, как их ни приготовь. Причем чудесно уживаясь с традиционной русской едой — гречневой кашей. Если жителям Средней Азии больше по нраву сочетание барашка и риса, то русскому подавай к баранине гречку. «Бараний бок, чиненный кашей», — именно так это блюдо когда-то называлось.

«Бараний бок, чиненный кашей»

Бараньи ребра — 1 кг

Сливочное масло для обжаривания

Для каши:

Гречневая крупа — 1 стакан

Вода — 2 стакана

Сливочное масло — три столовые ложки

Одна луковица

Горсть сухих белых грибов

Два вареных яйца

Делается просто. Берете грудинку. Подойдет и корейка, но лучше все-таки грудинка, с ребрами, подрубленными у самых кончиков. Если планируете подать на стол огромное парадное блюдо а-ля Собакевич, то используйте целый бок, он будет очень эффектно смотреться на большой посуде.

Но можно приготовить и порционные куски — на три-четыре ребрышка.

Удаляете с отруба ненужные пленки и аккуратно подрезаете слой мяса филейным ножом прямо под косточками, чтобы вышел кармашек.

Затем начинаете такой кармашек рассыпчатой гречневой кашей. Ее, конечно, предварительно сварили, основательно промаслили, добавили туда жареный лук, а при желании — еще и грибы или рубленое яйцо.

Обжариваете чиненные ребрышки сначала на сковороде на плите — до легкого румянца, с двух сторон. Затем отправляете в духовку, в увлажненный жар (не более 120 градусов), до готовности. Остатки каши можно подложить под ребрышки, она пропитается мясным соком, станет вкусной и ароматной.

Подаете на стол с соленым огурцом (куда без него!) и мелко нарезанной зеленью.

Ну а дальше, подобно Собакевичу, съедаете, обгрызаете, обсасываете все до последней косточки.

Своя

ЯНВАРЬ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Европы

Своя январь 2016